

ПРАВО и ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

№ 3 (13) 2021

Международный научно-практический журнал

**Эффективность бюджетного
контроля в цифровой экономике**

**Внедрение маркировки товаров
средствами идентификации**

**Правовое обеспечение
цифровизации сельского хозяйства**

**Пресечение недобросовестной конкуренции,
недобросовестной рекламы и защита
исключительных прав на объекты ИС в Интернете**

Формирование цифрового здравоохранения

**Экономика по требованию:
трансформация самозанятости в цифровой среде**

International research
and practice journal

LAW AND DIGITAL ECONOMY

Международный научно-практический журнал

ПРАВО и ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

№ 3 (13) 2021

Учредитель:

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС 77-72703 от 23.04.2018).

Генеральные партнеры издания:

Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России»,
Общероссийская общественная организация «Ассоциация российских дипломатов».

Партнеры издания:

ООО «Эффективные бизнес-ресурсы» (ООО «ЭБР»),
ООО «Antitrust Advisory»,
Stare Legal — Law firm,
Региональная правовая компания ООО «РПК».

Журнал издается с 2018 г., выходит 4 раза в год, является международным научным и научно-практическим изданием. Основные языки журнала: русский, английский.

Главный редактор:

ЕГОРОВА Мария Александровна —
начальник Управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, председатель комиссии по совершенствованию антимонопольного законодательства Московского отделения Ассоциации юристов России, член Международного комитета цифровой экономики (БРИКС), доктор юридических наук, профессор, сопresident Международного союза юристов и экономистов (Франция).

Концепция журнала:

журнал позиционируется как периодическое печатное издание, посвященное рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала:

государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- Государственное регулирование цифровой экономики
- Правовое регулирование криптовалюты и майнинга
- Краудфандинг (проблемы и перспективы)
- Правовое регулирование больших данных
- Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.)
- Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере
- Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле
- Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций
- Правовой статус смарт-контрактов
- Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков
- Информационная безопасность
- Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович —
ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, сопредседатель Ассоциации юристов России, заслуженный юрист РФ, почетный член Международного союза юристов и экономистов (Франция).

Заместители председателя редакционного совета:

СИНЮКОВ Владимир Николаевич —
проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный член Международного союза юристов и экономистов (Франция).

ЕГОРОВА Мария Александровна

—
начальник Управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Заместители главного редактора:

Пономарева Дарья Владимировна —
преподаватель кафедры практической юриспруденции Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.

Бодуан Мари-Элизабет

—
профессор публичного права, Школа права, Университет Клермон Овернь (Франция).

Стоун Серджио

—
заместитель директора Библиотеки имени Роберта Крауна факультета права Стэнфордского университета (США), доктор права.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Александров С. В., руководитель Аппарата генерального директора Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ), заместитель председателя правления Ассоциации юристов России (АЮР).

Белых В. С., заведующий кафедрой предпринимательского права, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, почетный член Международного союза юристов и экономистов (Франция).

Вавилин Е. В., заведующий кафедрой семейного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Вайпан В. А., проректор по инновационному научно-технологическому развитию МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, председатель Московского регионального отделения Ассоциации юристов России, почетный юрист города Москвы, доктор юридических наук, почетный член Международного союза юристов и экономистов (Франция).

Губин Е. П., заведующий кафедрой предпринимательского права МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

Дюфло А., основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры», преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион (Франция).

Ермаков В. П., генеральный директор Российского агентства поддержки малого и среднего бизнеса (член консорциума «Enterprise Europe Network — Россия»), общественный представитель Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите малого и среднего предпринимательства, кандидат экономических наук, почетный член Международного союза юристов и экономистов (Франция).

Ершова И. В., заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор.

Зайтц Т. Г., президент Швейцарского центра международного гуманитарного права, адвокат и нотариус, почетный профессор и доктор, магистр правоповедения, магистр гуманитарных наук (HSG, Швейцария) (Цюрих, Швейцария).

Кинев А. Ю., доктор юридических наук, профессор кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Литвинова Н. Н., президент Международного комитета цифровой экономики БРИКС, президент Всемирного фонда ресурсов развития «Рождение мира», член Евразийского информационно-аналитического консорциума (Россия), кандидат юридических наук.

Максимов С. В., помощник руководителя ФАС России, доктор юридических наук, профессор.

Менно Аден, адвокат (Эссен), доктор права, почетный профессор (Бонн, Германия).

Ньюрих Р.-Ж., магистр права (Грацский университет имени Карла и Франца, Австрия), магистр права (Университет Макгилл, Монреаль, Канада), доктор права (Европейский университет, Флоренция, Италия), доктор

права, профессор и координатор программы «Магистр Международного делового права» юридического факультета Университета Макао (Китай).

Попондопуло В. Ф., заведующий кафедрой коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Пузыревский С. А., заведующий кафедрой конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), статс-секретарь – заместитель руководителя ФАС России, кандидат юридических наук, доцент.

Роза Ф., доктор юридических наук, доцент частного права Университета Реймс Шампань-Арденны (Франция), директор Центра правовых исследований эффективности континентальных систем (CEJESCO).

Сидоренко Э. Л., директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций МГИМО (У) МИД России, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО (У) МИД России, доктор юридических наук, доцент.

Стоун С., заместитель директора Библиотеки имени Роберта Крауна факультета права Стэнфордского университета США, доктор права.

Судец И. В., заместитель директора Департамента государственной политики в сфере лицензирования, контрольно-надзорной деятельности, аккредитации и саморегулирования Министерства экономического развития РФ.

Сурендра Сингх, научный сотрудник Центра сравнительной политологии и политической теории, школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру (Нью-Дели, Индия), ассоциированный член Института оборонных исследований и анализа (ИОСИ) (Нью-Дели, Индия), приглашенный профессор школы политических исследований МГИМО (У) МИД России, кандидат философских наук.

Сушкевич А. Г., директор Департамента антимонопольного регулирования Евразийской экономической комиссии, профессор базовой кафедры ФАС России на факультете права НИУ «Высшая школа экономики», заслуженный экономист РФ, кандидат экономических наук.

Франкевич О. П., начальник отдела экспертного обеспечения законопроектной деятельности Экспертно-аналитического управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Халевинский И. В., председатель Ассоциации российских дипломатов, сопредседатель Генерального совета Ассамблеи народов Евразии, кандидат экономических наук.

Хохлов Е. С., преподаватель кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), генеральный директор ООО «Антимонопольное консультирование».

Цимерман Ю. С., профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), советник АО «Группа компаний Ренова», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР.

Шильштейн Д., доктор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна (Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Альварес-Куэста Х., доцент кафедры трудового права и социального обеспечения факультета частного и предпринимательского права Леонского университета, доктор права (Леон, Испания).

Барабашев А.Г., доцент кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.

Белицкая А. В., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук.

Беляева О. А., заведующий кафедрой частноправовых дисциплин, главный научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор РАН.

Богданова Е. Е., и.о. заведующего кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Брой Ш. У., генеральный секретарь Швейцарского центра международного гуманитарного права, почетный профессор, доктор управления бизнесом (DBA) (Цюрих, Швейцария).

Волков А. В., доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии экономики и права, управляющий партнер адвокатского бюро «Ирбис», адвокат.

Герасимов В. И., заведующий отделом научного сотрудничества Института научной информации по общественным наукам РАН, кандидат филологических наук.

Гибашевич Д., адвокат, управляющий партнер адвокатского бюро Гибашевич (г. Варшава, Польша), член Международного союза юристов и экономистов (Франция).

Городов О. А., профессор кафедры коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук, профессор.

Д'Апonte М., адвокат по вопросам трудового права, профессор кафедры трудового права Неаполитанского университета имени Фридриха II, доктор права (Неаполь, Италия)

Журавлев А. В., управляющий партнер ООО «Эффективные Бизнес Ресурсы», сооснователь "Blockchainlawyers".

Канцер Ю. А., генеральный директор региональной правовой компании ООО «РПК», кандидат юридических наук, член Международного союза юристов и экономистов (Франция).

Кванина В. В., заведующий кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права юридического факультета Юридического института Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Люттов Н. Л., заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Минбалеев А. В., заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

Паращук С. А., доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член научно-консультативных советов Суда по интеллектуальным правам и Арбитражного суда г. Москвы, арбитр Арбитражного центра при Российском институте современного арбитража, кандидат юридических наук, доцент.

Петров Д. А., доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, центра международного гуманитарного права, почетный доктор юридических наук, доцент.

Петкевич М., профессор кафедры международного публичного права факультета права и управления Варминско-Мазурского университета, доктор права (Олынтын, Польша).

Сафонов В. В., главный консультант Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

Скворцов А. А., юрисконсульт ООО «Научно-производственное предприятие "ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ"», кандидат юридических наук.

Тепкина А. В., начальник юридического и комплаенс отдела ООО «Де Лаге Ланден Лизин», кандидат юридических наук, член Международного союза юристов и экономистов (Франция).

Токар Е. Я., председатель коллегии адвокатов «LEX» (г. Самара), доктор юридических наук, доцент.

Упадхьяй Н. К., доцент юридического факультета Университета Галготиа, основатель и приглашенный преподаватель Американского Румынского университета (Уттар-Прадеш, Индия)

Ферейра Д. Б., декан Университета Кандидо Мендеса (Бразилия), профессор Университета Амбры (США), вице-президент по академическим вопросам бразильского центра медиации и арбитража, член Дипломированного института арбитров CIArb, доктор права, профессор (Рио-де-Жанейро, Бразилия).

Фернандес-Фернандес Р., профессор кафедры трудового права и социального обеспечения факультета частного и предпринимательского права Леонского университета, доктор права, (Леон, Испания).

Фуртак А. А., начальник управления корпоративной работы АО «Гознак», кандидат юридических наук, член Международного союза юристов и экономистов (Франция).

Цымбал А. А., профессор кафедры патофизиологии Института биодизайна и моделирования сложных систем ФГАУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России, эксперт Медицинской Лиги России, доктор медицинских наук, профессор.

Шахназаров Б. А., доцент кафедры международного частного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент.

Ючинсон К. С., преподаватель-исследователь Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ.

В НОМЕРЕ

Государственное регулирование цифровой экономики

- Чхутиашвили Л. В.**
Оценка эффективности бюджетного контроля в условиях цифровой экономики 5
- Ермолова О. Н., Кавелина Н. Ю.**
Проблемы внедрения маркировки товаров средствами идентификации 11
- Воронина Н. П.**
Правовое обеспечение цифровизации сельского хозяйства 20

Правовые инструменты в цифровой экономике

- Шахназаров Б. А.**
Пресечение недобросовестной конкуренции, недобросовестной рекламы и защита исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет 27

Здравоохранение и цифровые инновации

- Карцхия А. А.**
Формирование цифрового здравоохранения как вызов времени 39

Цифровизация в сфере труда

- Шапсугова М. Д.**
Экономика по требованию: трансформация самозанятости в цифровой среде 47

Л. В. Чхутиашвили*

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮДЖЕТНОГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Статья посвящена оценке эффективности бюджетного контроля в условиях цифровой экономики. Сегодня высокий уровень коррупции, ослабляющий экономическую безопасность страны, обуславливает необходимость определения границ государственного финансового контроля, места муниципального финансового контроля, усиления контроля за использованием государственных ресурсов, реализацией планов противодействия коррупции, антикризисных мероприятий, инновационного развития экономики и социальной защиты населения.

Ключевые слова: аудит, бюджетный контроль, коррупция, цифровая экономика, хищение, финансирование терроризма, эффективность.

Для цитирования: Чхутиашвили Л. В. Оценка эффективности бюджетного контроля в условиях цифровой экономики // Право и цифровая экономика. — 2021. — № 3 (13). — 05—10. — DOI: 10.17803/2618-8198.2021.13.3.005-010.

В условиях бюджетных ограничений, дефицита региональных бюджетов актуальным является вопрос оценки государственного бюджетного контроля, который направлен в том числе и на обеспечение целевого использования бюджетных средств и предотвращение их хищения.

Являясь основным документом, регулирующим бюджетные отношения, Бюджетный кодекс РФ не содержит определения понятия «бюджетный контроль».

Данное понятие необходимо рассматривать как комплекс мероприятий, которые проводят финансовые органы по проверке образования и расходования денежных средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов.

Финансовый контроль осуществляется с помощью различных форм, видов и методов.

Контрольные и финансовые органы Российской Федерации осуществляют бюджетный контроль над операциями с бюджетными средствами главных распорядителей, распорядителей и получателей бюджетных средств соответствующих бюджетов. Они же отслеживают соблюдение условий выделения, по-

лучения, целевого использования и возврата бюджетных средств получателями бюджетных кредитов, бюджетных инвестиций, государственных и муниципальных гарантий.

Главные распорядители, распорядители бюджетных средств проводят предварительный, текущий и последующий бюджетный контроль за использованием бюджетных средств подведомственными получателями этих средств. Их привилегия — целевое использование и своевременный возврат бюджетных средств, представление отчетности и внесение платы за их пользование получателями.

По данным многих исследований, сейчас на первом месте по распространенности среди правонарушений бюджетных требований находятся неэффективные расходы, на втором — неправомерные расходы, на третьем — нарушения Федерального закона «О размеще-

© Чхутиашвили Л. В., 2021

* Чхутиашвили Лела Васильевна, профессор кафедры управления и экономики, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор экономических наук, доцент, г. Москва, Россия
lvch2016@mail.ru

нии заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»¹, на четвертом — нецелевые расходы, на пятом — потери бюджетных средств.

При этом одним из наиболее опасных преступлений в бюджетной сфере является их хищение, под которым в гл. 21 Уголовного кодекса РФ понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездные изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Анализ преступлений, связанных с хищением бюджетных средств, выявил, что большинство из них связаны с коррупционной составляющей.

Сегодня высокий уровень коррупции, ослабляющий в том числе экономическую безопасность страны, обуславливает необходимость определения границ государственного финансового контроля, места в нем муниципального финансового контроля, усиления контроля за использованием государственных ресурсов, реализацией планов противодействия коррупции, антикризисных мероприятий, инновационного развития экономики и социальной защиты населения.

В истории современной России можно назвать ряд нормативных актов, направленных на усиление государственного финансово-бюджетного контроля и борьбу с коррупцией в бюджетной сфере:

- Бюджетный кодекс РФ;
- Указы Президента РФ от 23 июля 1997 г. № 773 «О предоставлении гарантий и поручительств по займам и кредитам»; от 12 мая 1997 г. № 477 «О мерах по усилению контроля за использованием средств федерального бюджета»; от 11 декабря 1997 г. № 1278 «О мерах по оздоровлению государственных финансов»; от 25 июля 1996 г. № 1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации»; от 8 апреля 1997 г. № 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд»; от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах

по противодействию коррупции»; от 21 июля 2010 № 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона “О противодействии коррупции”»; от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010—2011 годы»; от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации»;

— приказы Министерства финансов РФ от 20 августа 1998 г. № 156 «Об усилении государственного финансового контроля за исполнением федерального бюджета»; от 12 июля 2010 г. № 70н «Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов Министерства финансов РФ»² и др.

Действующий с 6 августа 2019 г. новый Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части совершенствования государственного (муниципального) финансового контроля, внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита» позволил разграничить полномочия между органами внешнего и внутреннего контроля, определил порядок их взаимодействия и недопущения дублирования контрольных мероприятий.

Для реализации обновленных положений Бюджетного кодекса РФ Минфин России подготовил три стандарта внутреннего финансового аудита: Стандарт о принципах и задачах финансового аудита, Стандарт о порядке организации внутреннего финансового аудита, Стандарт о правах и обязанностях внутренних аудиторов. В них заложены основные принципы, задачи, порядок организации внутреннего аудита, а также права и обязанности должностных лиц при аудите. Применение Стандартов началось с 1 января 2020 г.

Основным критерием эффективности бюджетного контроля служит соотношение между достигнутым контролирующим органом результатом и заявленной целью. Результат возможен только в случае четкого выполнения органами бюджетного контроля задач, поставленных перед ними в соответствующих законах.

¹ Федеральный закон от 25 июля 2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».

² СПС «КонсультантПлюс».

Чтобы повысить эффективность системы бюджетного контроля, целесообразно:

1) развивать формы предварительного контроля на этапах принятия бюджетов, программ, инновационных проектов. Система государственного бюджетного контроля является эффективной, если в результате ее функционирования достигаются преобладание предварительного и профилактического контроля, повышение социальной, организационной и институциональной эффективности при снижении количества финансовых нарушений, а также происходит рост бюджетной эффективности;

2) активизировать взаимодействие с профильными образовательными учреждениями высшего профессионального образования в целях повышения квалификации специалистов контрольно-счетных органов и исследования проблем организации и осуществления государственного финансового контроля.

Счетная палата РФ и Ассоциация контрольно-счетных органов Российской Федерации реализуют разного рода образовательные программы (в том числе с привлечением специалистов из зарубежных счетных палат): совместные проверки, обмен профессиональным опытом, методическую помощь, которые направлены на «подтягивание» уровня всех региональных и муниципальных счетных палат до единых стандартов.

Важную роль играет практика проведения профессиональной сертификации региональных и местных контрольно-счетных органов. В настоящее время такие сертификаты уже получили чуть больше десятка региональных и местных контрольно-счетных органов;

3) для обеспечения полноты поступления доходов в бюджеты и повышения эффективности бюджетных расходов развивать единую систему внешнего и внутреннего финансового контроля, повысить его эффективность за счет взаимодействия государственных финансовых аудиторов с добровольным аудитом, разработав совместно Стандарт «Взаимодействие независимых аудиторов с государственными контролерами».

На наш взгляд, эффективны скоординированное взаимодействие и информационный обмен между внутренним контролем, независимым аудитом и государственным финансовым контролем на основе разделения и координации задач, функций, методов и форм осуществления контроля, что позволит повысить комплексность и результативность

системы финансово-бюджетного контроля экономических субъектов и снизит риск возникновения бюджетных правонарушений.

Речь идет о разработке порядка согласования спорных вопросов по материалам проверок, обмене опытом, об организации проверки аудиторов в ходе проведения государственного контроля, определении перечня запрашиваемых документов по установленным требованиям, видов аналитических измерений, проводимых в ходе осуществления проверок, а также об использовании результатов проверок и т.д.

Поскольку практика требует от специалистов-контролеров комплексных знаний бухгалтерского учета в хозяйственных и бюджетных организациях, учета по исполнению бюджета, основ планирования бюджета, основ законодательства, регулирующего бюджетные и имущественные отношения, особенностей хозяйственной деятельности в различных отраслях промышленности (например, значительные средства бюджета направляются в строительный комплекс) и т.д., взаимодействие такого рода представляется необходимым, тем более что опыт такого взаимодействия уже есть.

23 апреля 2018 г. Президентом РФ подписан Федеральный закон № 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и статью 13 Федерального закона «Об аудиторской деятельности»» (в части приведения законодательства Российской Федерации, затрагивающего вопросы осуществления аудиторской деятельности, в соответствие с Рекомендацией ФАТФ).

Данным Федеральным законом внесены следующие изменения, касающиеся обязанностей аудиторских организаций и индивидуальных аудиторов при оказании аудиторских услуг.

1. В Федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» дополнены следующие статьи:

— статья 7.1. «Права и обязанности иных лиц» дополнена положениями:

«2.1. Аудиторские организации, индивидуальные аудиторы при оказании аудиторских услуг при наличии любых оснований полагать, что сделки или финансовые операции аудируемого лица могли или могут быть осуществлены в целях легализации (отмывания)

доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма, обязаны уведомить об этом уполномоченный орган.

3. Порядок передачи адвокатами, нотариусами, лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, а также аудиторскими организациями, индивидуальными аудиторами при оказании аудиторских услуг, информации о сделках или финансовых операциях, указанных в пунктах 2 и 2.1 настоящей статьи, устанавливается Правительством Российской Федерации.

4. Адвокат и адвокатская палата, нотариус и нотариальная палата, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, а также аудиторская организация, индивидуальный аудитор при оказании аудиторских услуг, не вправе разглашать факт передачи в уполномоченный орган информации, указанной в пунктах 2 и 2.1 настоящей статьи»;

— статья 8 «Уполномоченный орган» дополнена положением:

«Уполномоченный орган по согласованию с соответствующими надзорными органами определяет объем и порядок представления через личные кабинеты соответствующих надзорных органов информации, необходимой для осуществления ими в соответствии с законодательством Российской Федерации контроля (надзора) за исполнением требований настоящего Федерального закона».

В Федеральном законе от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» часть 2 ст. 13 «Права и обязанности аудиторской организации, индивидуального аудитора» дополнена следующими обязанностями аудиторской организации, индивидуального аудитора при оказании аудиторских услуг:

«3.1) информировать, за исключением случая, указанного в пункте 3.2 настоящей части, учредителей (участников) аудируемого лица или их представителей либо его руководителя о ставших известными аудиторской организации, индивидуальному аудитору случаях коррупционных правонарушений аудируемого лица, в том числе случаях подкупа иностранных должностных лиц, случаях иных нарушений законодательства Российской Федерации, либо признаков таких случаев, либо риске возникновения таких случаев. В случае, если учредители (участники) аудируемого лица или их представители либо его руководитель

не принимают надлежащих мер по рассмотрению указанной информации аудиторской организации, индивидуального аудитора, последние обязаны проинформировать об этом соответствующие уполномоченные государственные органы;

3.2) уведомлять о возникновении любых оснований полагать, что сделки или финансовые операции аудируемого лица могли или могут быть осуществлены в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма, федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, в порядке, установленном Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»».

На основании изложенного, все аудиторские организации и индивидуальные аудиторы, осуществляющие аудиторскую деятельность, независимо от факта осуществления ими от имени или по поручению своего клиента операций с денежными средствами или иным имуществом в предусмотренных законом случаях:

1) являются пользователями и обязаны зарегистрироваться в личном кабинете Росфинмониторинга;

2) обязаны обеспечить выполнение требований по уведомлению уполномоченных органов о сомнительных сделках и финансовых операциях посредством использования личного кабинета Росфинмониторинга.

Министерство финансов РФ выпустило Информационное сообщение от 25 апреля 2018 г. № ИС-аудит-22 о требованиях к аудиторам в отношении противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, в котором сказано, что в соответствии с Международными стандартами аудита 240 «Обязанности аудитора в отношении недобросовестных действий при проведении аудита финансовой отчетности» и 250 «Рассмотрение законов и нормативных актов в ходе аудита финансовой отчетности», введенными в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 24 октября

2016 г. № 192н, аудитор обязан выявить недобросовестные действия аудируемого лица, которые приводят к существенному искажению бухгалтерской (финансовой) отчетности последнего, а также рассмотреть законодательные и иные нормативные акты, оказывающее влияние на эту бухгалтерскую (финансовую) отчетность.

Порядок уведомления Росфинмониторинга установлен Положением о порядке передачи информации в Федеральную службу по финансовому мониторингу адвокатами, нотариусами и лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических и бухгалтерских услуг, утвержденным постановлением Правительства РФ от 16 февраля 2005 г. № 82.

Формат представления информации в Росфинмониторинг определен Инструкцией о представлении в Федеральную службу по финансовому мониторингу информации, предусмотренной Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», утвержденной приказом Росфинмониторинга от 22 апреля 2015 г. № 110³.

Таким образом, формирование единой правовой базы, определяющей понятия, виды, формы, методы бюджетного контроля и регламентирующей области их применения, права и обязанности контролирующих органов, механизм и процедуру реализации материалов проверок в части устранения выявленных нарушений и возмещения нанесенного государству ущерба, обеспечит защиту финансовых и экономических интересов Российской Федерации и граждан России.

Объединение усилий всех органов государственной власти, органов местного самоуправления и добровольных аудиторов при осуществлении государственного и муниципального бюджетного контроля в Российской Федерации позволит охватить внешним и внутренним контролем управление всеми государственными и муниципальными финансовыми и материальными ресурсами, что будет способствовать повышению эффективности бюджетного контроля.

Для предотвращения неэффективного, неправомерного и нецелевого использова-

ния бюджетных средств и их хищения необходимо:

- 1) повысить эффективность системы бюджетного контроля;
- 2) усилить контроль деятельности сотрудников, обеспечивающих исполнения бюджетного законодательства;
- 3) повысить профессиональную квалификацию должностных и иных лиц;
- 4) взаимодействовать с правоохранительными и другими органами, осуществляющими контроль при осуществлении проверок, размещение и исполнение государственных (муниципальных) заказов и использование государственной (муниципальной) собственности;
- 5) изучать и анализировать передовые методики выявления и расследования преступлений в бюджетной сфере и ее совершенствовать.

Например, методика оценки эффективности бюджетного контроля контрольно-счетных палат (КСП) субъектов РФ, которую могли бы использовать органы государственного и муниципального финансового контроля, основана на расчете сводного стандартизованного показателя, для определения которого используются количественные и качественные показатели, характеризующие работу органов государственного финансового контроля.

В качестве норматива для определения стандартизованных показателей эффективности здесь используется среднее значение аналогичного показателя по всем исследуемым субъектам РФ.

Смысл перехода от индивидуальных удельных показателей эффективности к стандартизованным показателям заключается в том, чтобы получить сопоставимые данные, пригодные для агрегирования вклада всех показателей эффективности в итоговый коэффициент.

По мнению автора, создание эффективной системы финансово-бюджетного контроля на единой теоретической основе, с использованием единых стандартов позволит эффективнее использовать бюджетные средства, послужит обеспечению баланса бюджетной системы Российской Федерации, а также безопасности государства и развитию цифровой экономики страны.

³ Информационное сообщение № ИС-аудит-17.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баранова И. В., Верховская Д. В. Финансово-бюджетный контроль как инструмент противодействия нецелевого использования бюджетных средств и их хищения // Актуальные вопросы права, экономики и управления : сборник статей XI Международной научно-практической конференции : в 3 частях. — 2017. — С. 190—193.
2. Бочкарева Е. А. Бюджетный контроль как способ обеспечения сбалансированности бюджетной системы и противодействия коррупции в Российской Федерации // Российский юридический журнал. — 2013. — № 6 (93). — С. 140—144.
3. Голубев А. В. Финансово-бюджетный контроль как бюджетное правоотношение // Современное право. — 2008. — № 1. — С. 7—10.
4. Подколзина И. М., Диланян К. В. Бюджетный контроль как фактор обеспечения бюджетной безопасности страны // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2013. — № 3 (3). — С. 72—73.
5. Яшина Н. И., Поющева Е. В., Комиссаров О. В. Методологические подходы к оценке эффективности бюджетного контроля в современных условиях реформирования бюджетной системы Российской Федерации // Финансы и кредит. — 2012. — № 44. — С. 10—15.

О. Н. Ермолова*, Н. Ю. Кавелина**

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ МАРКИРОВКИ ТОВАРОВ СРЕДСТВАМИ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Аннотация. Внедрение инструментов прослеживаемости товаров затрагивает все большее количество участников товарооборота и приобретает глобальный масштаб. Процесс этот является прогрессивным и прорывным, основанным на новейших достижениях науки и техники. В то же время введение его сопряжено с рядом проблем правового, технологического и финансового характера.

В статье приводятся нормативные акты, закрепляющие основные правовые дефиниции явлений и процессов, образующих механизм маркировки товаров средствами идентификации.

Авторами обстоятельно анализируется проблема неготовности предпринимателей к введению маркировки и сопряженное с ней несоответствие темпов внедрения обязательной маркировки и возможностей бизнеса. Указываются причины возникновения этой ситуации, среди которых: восприятие значительной частью предпринимательского сообщества экспериментов по введению маркировки как мероприятий, имеющих добровольный, необязательный характер; вовлеченность в эксперимент небольшого числа участников рынка; увеличение финансовой нагрузки, в том числе налоговой, и недостаточные финансовые возможности субъектов малого и среднего бизнеса.

По мнению авторов, негативным последствием всех обозначенных факторов для потребителей явится значительное увеличение стоимости маркированных товаров.

В работе использованы многочисленные обзорные, статистические, иные материалы, наглядно демонстрирующие остроту проблем как на региональном, так и на федеральном уровне.

Высказываются отдельные предложения по изменению подходов к внедрению цифровой маркировки, способствующие более последовательному протеканию данного процесса.

Ключевые слова: правовое регулирование, маркировка, значение маркировки, эксперимент, внедрение маркировки, субъекты предпринимательства.

Для цитирования: Ермолова О. Н., Кавелина Н. Ю. Проблемы внедрения маркировки товаров средствами // Право и цифровая экономика. — 2021. — № 3 (13). — 011—190. — DOI: 10.17803/2618-8198.2021.13.3.011-019.

В настоящее время в Российской Федерации проводится активная работа по введению системы цифровой маркировки товаров средствами идентификации.

Начало процесса внедрения относится к 2016 г., когда стартовал пилотный проект по обязательной маркировке изделий из меха в информационном ресурсе маркировки Федеральной налоговой службы. В 2017 г. был запущен пилотный проект по маркировке лекарственных препаратов, в 2018 г. начался эксперимент по маркировке сигарет и другой табачной продукции.

Все пилотные проекты, запущенные до 2019 г., были подготовительными этапами для перехода к обязательной маркировке. Товары, которые в обязательном порядке маркируются

с 2019 г., регистрируются в Единой национальной системе маркировки и прослеживаемости товаров «Честный ЗНАК», оператором которой является Центр развития перспективных технологий (ЦРПТ).

© Ермолова О. Н., Кавелина Н. Ю., 2021

* Ермолова Ольга Николаевна, доцент кафедры гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия, член экспертного совета Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Саратовской области, кандидат юридических наук, доцент, г. Саратов, Россия
olga_ermolova@bk.ru

** Кавелина Наталья Юрьевна, доцент кафедры гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия, советник Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Саратовской области, кандидат юридических наук, г. Саратов, Россия
kavelina_n@mail.ru

Результатом проведения экспериментов явилась идея единой системы маркировки товаров на рынке страны, окончательное формирование которой запланировано к 2024 г.¹

Основные подходы к формированию механизма прослеживаемости товаров были сформулированы в Концепции создания и функционирования в Российской Федерации системы маркировки товаров средствами идентификации и прослеживаемости движения товаров, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2018 г. № 2963-р².

Понятием «маркировка» в данном документе обозначен комплекс мероприятий по идентификации единицы товара (совокупности единиц товара) с помощью нанесения средства идентификации или контрольного (идентификационного) знака, содержащего средство идентификации, в целях обеспечения прослеживаемости товаров при их движении по товаропроводящей сети.

Основной целью внедрения системы маркировки и прослеживаемости товаров является обеспечение получения оперативной и достоверной информации о движении товаров в рамках хозяйственной деятельности организаций.

Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» участниками оборота товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, признает хозяйствующих субъектов, осуществляющих торговую деятельность, связанную с приобретением и продажей товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, а также хозяйствующих субъектов, осуществляющих поставки товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, в том числе производителей этих товаров.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 26 апреля 2019 г. № 515 «О системе маркировки товаров средствами идентификации и прослеживаемости движения товаров»³ маркировка товаров осуществляется путем формирования и нанесения

средств идентификации (кодов маркировки в машиночитаемой форме) на товары, упаковку товаров или на иной материальный носитель, предназначенный для нанесения средств идентификации, в местах их производства, упаковки (переупаковки) или хранения.

Процесс маркировки состоит из следующих этапов. Участник оборота товара регистрируется в государственной системе мониторинга товаров — Единой национальной системе маркировки и прослеживаемости товаров «Честный ЗНАК».

Зарегистрироваться в системе должны все участники оборота: производители, продавцы и поставщики товаров — юридические лица и индивидуальные предприниматели. Регистрация бесплатна, но для нее необходима квалифицированная электронная подпись, которую выдают аккредитованные удостоверяющие центры.

Производитель или импортер заказывают оператору системы уникальный цифровой код и наносят его на товар. Код маркировки делится на две части: код идентификации, который определяет позицию товара в системе и едином каталоге товаров, и код проверки, или «криптохвост», который генерирует оператор информационной системы.

Согласно пунктам 5 и 16 ст. 20.1 Федерального закона о торговле⁴ участники оборота товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, обязаны представлять оператору информационной системы мониторинга информацию об обороте товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, в соответствии с Правилами, установленными Правительством Российской Федерации, для включения такой информации в информационную систему мониторинга и несут ответственность за полноту, достоверность и своевременность представления ими информации об обороте таких товаров оператору информационной системы мониторинга в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Одной из главных причин, обусловивших необходимость разработки и внедрения систем прослеживаемости, стало наличие зна-

¹ Единая система маркировки: что нужно знать об обязательной маркировке товаров // URL: <https://iitrust.ru/articles/article/edinaya-sistema-markirovki-cto-nujno-znat-ob-obyazatelnoy-markirovke-tovarov/>.

² СПС «КонсультантПлюс».

³ СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

чительной доли оборота нелегальной, контрафактной продукции на российском рынке.

Как отмечается на сайте государственной системы маркировки товаров «Честный ЗНАК», это серьезная проблема для самих потребителей, которые за свои деньги получают товар сомнительного качества; для владельцев продукции, поскольку контрафакт негативно сказывается на их репутации и влечет финансовые убытки, и для государства, так как вызывает недополучение сумм налоговых платежей и таможенных сборов⁵.

Соответственно, задача эксперимента по внедрению системы заключалась в существенном снижении количества контрафакта и некачественных аналогов.

В соответствии с Концепцией создания и функционирования в Российской Федерации системы маркировки товаров средствами идентификации и прослеживаемости движения товаров участники оборота товаров, подлежащих маркировке средствами идентификации, осуществляют:

- маркировку товаров средствами идентификации и передачу соответствующих сведений в государственную информационную систему;
- направление в государственную информационную систему сведений об обороте маркированных товаров (в том числе посредством систем электронного документооборота);
- оснащение производственных мощностей оборудованием для нанесения средств идентификации на товары и устройствами технического зрения для верификации нанесенных средств идентификации на товары и агрегации товаров в групповые и (или) транспортные упаковки.

Положительные результаты от введения цифровой маркировки прогнозируются в виде:

- повышения уровня безопасности граждан-потребителей, их уверенности в легальности приобретаемых продуктов;

- роста выручки действующих легально производителей и импортеров, повышения их конкурентоспособности, появления возможности отслеживания движения продукции, сокращения издержек, увеличения производительности труда;

- сокращения «теневого» рынка, повышения налоговых платежей и таможенных сборов, снижения расходов на организацию контроля товарных рынков для государства⁶.

Согласно информации, представленной на сайте, по ряду товарных позиций внедрение системы маркировки продемонстрировало свою эффективность.

Однако с позиции бизнеса внедрение маркировки сопряжено с рядом значительных сложностей, требующих разрешения.

Проблемы, сопряженные с процессом внедрения обязательной маркировки в Саратовской области в 2020 г., были систематизированы в докладе Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Саратовской области⁷.

Проанализируем отдельные из обозначенных в докладе проблем более подробно и с учетом процессов, происходящих в первом квартале 2021 г.

Ситуация с введением системы маркировки товаров продолжает демонстрировать неготовность предпринимателей к введению маркировки, несоответствие темпов внедрения обязательной маркировки и возможностей бизнеса.

Предпосылками этого послужил ряд обстоятельств.

Во-первых, восприятие значительной частью предпринимательского сообщества экспериментов по введению маркировки как *добровольных, необязательных мероприятий*.

В русском языке под экспериментом понимается попытка сделать, предпринять что-нибудь (новое, ранее не испытанное)⁸, любой опыт, любая попытка, проба осуществить что-либо каким-либо способом⁹.

⁵ Официальный сайт государственной системы маркировки и прослеживания Честный ЗНАК. URL: <https://xn--80ajghhoc2aj1c8b.xn--p1ai/>.

⁶ Официальный сайт государственной системы маркировки и прослеживания Честный ЗНАК. URL: <https://xn--80ajghhoc2aj1c8b.xn--p1ai/>.

⁷ Доклад о результатах деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Саратовской области в 2020 году // URL: <https://www.ombudsman64.biz/doklady-upolnomochennogo/> ; URL: <https://www.ombudsman64.biz/upload/iblock/721/7210fe76fd516e8043dd2858127319a8.pdf>.

⁸ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 100 000 слов, терминов и выражений. М. : Мир и образование, 2015.

⁹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000.

Философский словарь определяет эксперимент (от лат. *experimentum* — проба, опыт) как метод познания, при помощи которого в контролируемых и управляемых условиях исследуются явления действительности¹⁰.

Результатом эксперимента могут стать поддержка, опровержение или подтверждение гипотезы или теории. Таким образом, сама этимология слова определяет его смысловое восприятие, которое вовсе не ассоциируется с обязательными требованиями или процедурами, в которых предпринимательское сообщество обязано принять участие.

Место эксперимента в формировании нормативного регулирования представлено на скриншоте слайда из презентации руководителя товарной группы «Упакованная вода» ЦРПТ К. Волкова к совещанию Минпромтор-

введения которых должны быть предусмотрены компенсационные механизмы.

Полагаем, что проведение эксперимента недопустимо считать подготовкой отраслей к введению маркировки, поскольку факт проведения эксперимента не является формальным основанием для перехода участников рынка на новые правила.

Дальновидность отдельных игроков обеспечивается наличием свободных финансовых ресурсов, однако большая часть субъектов малого и среднего предпринимательства существует в ограниченных финансовых условиях.

Во-вторых, это *вовлеченность в эксперимент небольшого числа участников рынка*.

Так, о проведении эксперимента по маркировке лекарственных препаратов имеется информация, что с 1 июня 2017 г. пионерам

га РФ с регионами «Маркировка упакованной воды»¹¹, состоявшемся 4 марта 2021 г.

Следует отметить, что со стороны публичной власти эксперимент преподносится как подготовительный этап к введению обязательных требований. Возможно, он таковым и является.

Однако формально такой подготовительный этап не может служить основанием для перекраивания бизнес-процессов и внедрения новых технологий.

Все эти последствия для предпринимательского сообщества возникают с введением обязательных требований, для безболезненного

эксперимента был предоставлен доступ к системе и по состоянию на 11 октября 2017 г. в системе были зарегистрированы 34 участника: российские и зарубежные производители, которые оказались наиболее готовы к нанесению контрольных (идентификационных) знаков и к работе в данной системе, ряд оптовых организаций, четыре аптечные сети и одна медицинская организация — Городская клиническая больница имени М. П. Кончаловского Департамента здравоохранения Москвы¹².

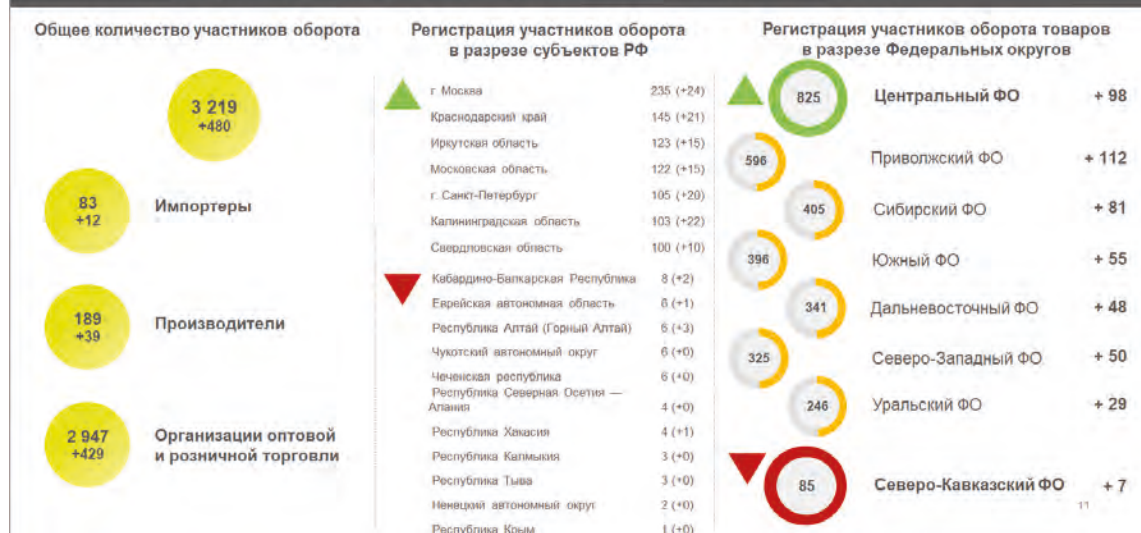
Первый этап эксперимента маркировки табачной продукции был проведен в 2018 г. (начался 15 января и завершился 31 июня). Его

¹⁰ Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983.

¹¹ В селекторном совещании 4 марта 2021 г. принимали участие представители федеральных органов государственной власти, региональных уполномоченных по защите прав предпринимателей, ЦРПТ, органов государственной власти субъектов РФ, бизнес-объединений, предприниматели Северо-Кавказского федерального округа.

¹² Промежуточные результаты эксперимента // URL: <http://mosapteki.ru/material/promezhutochnye-rezultaty-eksperimenta-9204>.

Регистрация участников оборота В ГИС МТ. ТГ «Вода» (динамика с 11 февраля по 04 марта 2021 г.)

участниками стали производители сигарет JTI, PMI, «БАТ Россия», Imperial Tobacco, «Донской табак», KT&G. К эксперименту также присоединились дистрибьюторы «Мегаполис» и «СНС», ритейлеры — X5 Retail Group, Metro, «Лента», «Магнит» и др.¹³

По состоянию на 5 марта 2021 г., по данным сайта «Честный ЗНАК», в системе маркировки упакованной воды приняли участие 3 127 участников¹⁴. Уточненная информация была представлена 4 марта 2021 г. на селекторном совещании Минпромторга России руководителем товарной группы «Упакованная вода» К. Волковым: всего зарегистрировано 3 219 участников, в том числе организаций оптово-розничного звена — 2 947, производителей — 189, импортёров — 83.

Особое внимание привлекла ситуация, сложившаяся в Ставропольском крае, где всего в системе зарегистрировались 45 участников оборота, из которых только 1 производитель. Более 20 остальных производителей упакован-

ной воды Ставрополя заявили об отсутствии технического решения по нанесению кодов маркировки на бутылки на высокоскоростных линиях упаковки.

Более того, из представленной на совещании по проблемам маркировки руководителем товарной группы «Упакованная вода» К. Волковым информации¹⁵, следует, что в отработке технологии нанесения маркировки на упаковки воды участвуют не все зарегистрированные в системе участники эксперимента, а только *рабочая группа*, состоящая из 144 участников — 111 производителей, 7 импортёров, 26 организаций оптово-розничного звена, а также Ассоциация компаний розничной торговли (АКОРТ); тесты по нанесению средств идентификации проведены всего на 39 площадках.

В рабочую группу ЦРПТ по маркировке молочной продукции входило чуть более 30 представителей отрасли¹⁶, по маркировке продукции легкой промышленности также вошло

¹³ Минпромторг отчитался о результатах первого этапа эксперимента по маркировке сигарет // URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/minpromtorg_otchitalsya_o_rezultatakh_pervogo_etapa_eksperimenta_po_markirovke_sigaret4241/.

¹⁴ URL: <https://честныйзнак.рф/business/projects/water/>.

¹⁵ Представленная на слайде из презентации руководителя товарной группы «Упакованная вода» ЦРПТ К. Волкова к совещанию Минпромторга РФ с регионами 4 марта 2021 г. «Маркировка упакованной воды» информация о регистрации участников в системе прослеживаемости товаров отражает не количество участников эксперимента, а количество субъектов, откликнувшихся на перспективу внедрения новых обязательных требований до их официального введения. Количество участников эксперимента, по сути, ограничивается количеством членов рабочих групп.

¹⁶ URL: <https://milknews.ru/longridy/experiment-crpt.html>.

чуть более 100 участников, в том числе представители брендов Zolla, «Спортмастер», Oodji, «5 карманов», Zenden, «Восток-Сервис»¹⁷.

В феврале 2021 г. в ЦРПТ создана рабочая группа по подготовке к эксперименту по маркировке пива. Как было сообщено ЦРПТ, заявки на участие в рабочей группе подали 32 представителя отрасли, в их числе 21 крупный производитель, а также федеральные сети продаж и импортеры¹⁸.

«Для нас важно, чтобы к рабочей группе присоединилось максимальное количество участников оборота пивных напитков: это позволит выработать максимально комфортные условия по внедрению маркировки. Кроме того, присоединяясь к рабочей группе, участники смогут апробировать маркировку на своих производствах. Важно отметить, что для производителей на период участия в эксперименте оборудование предоставляется бесплатно», — приводятся в сообщении слова представителя ЦРПТ в рабочей группе Николая Гладкова¹⁹.

Таким образом, наглядно видно, что фактически участниками эксперимента являются лишь члены рабочих групп, количество которых колеблется в пределах 150 участников по каждой товарной группе. Как правило, это крупные производители и оптовики соответствующего товара. Малые, микропредприятия, представляющие сельские районы страны, оказались не вовлеченными в этот процесс.

Причинами этого, вероятно, выступают как недостаток информации, неготовность выполнять необязательные, но ресурсозатратные требования, так и отсутствие свободных финансовых ресурсов для осуществления затрат, необходимых для участия в эксперименте.

Вследствие участия в эксперименте небольшого количества субъектов соответствующего товарного рынка произошло нарушение репрезентативности выборки, а следовательно, и выводы о готовности бизнеса к внедрению маркировки не являются достоверными.

Репрезентативность выборки обеспечивается способом отбора ее участников. Примером явного нарушения репрезентативности может послужить шутка о том, что интернет-опрос показал, что 100 % людей пользуются Интернетом²⁰.

Так, в докладе Минпромторга об итогах первого этапа эксперимента маркировки табачной продукции отмечено, что поставленные задачи были выполнены: отработаны технические и организационные вопросы маркировки табачной продукции метками DataMatrix на этапах ее производства, продаж оптом и в розницу, а также реализации ее конечному потребителю²¹.

Очевидно, что данные выводы сделаны применительно к механизму государственного регулирования маркировки и не свидетельствуют о готовности предпринимательского сообщества к ее внедрению.

В-третьих, это *слабая информационная поддержка* процесса внедрения маркировки отдельных групп товаров. Продолжительное время с предпринимателями не проводилась работа по доведению до их сведения соответствующей информации.

Особенно остро эта проблема стоит применительно к бизнесу, осуществляемому в сельской местности: здесь если кто-то что-то и слышал, то, за редким исключением, никаких подробностей не знает и не узнает до тех пор, пока контролирующие органы не оштрафуют или не конфискуют товар.

Данная ситуация кардинально отличается от широкой кампании по освещению необходимости применения онлайн-касс при расчетах, когда налоговые инспекции организовывали и проводили еженедельные семинары для бизнеса по введению контрольно-кассовой техники (ККТ), рассылали письма налогоплательщикам.

С проведением экспериментов и введением маркировки получилось все иначе, несмотря на то, что и в этом случае инициатива изменения условий бизнеса исходила от государства. Строго говоря, созданием соответствующего

¹⁷ URL: <https://честныйзнак.рф/info/meropriyatiya/tsrpt-provel-pervoe-zasedanie-rabochey-gruppy-po-markirovke-legroma/>.

¹⁸ URL: https://честныйзнак.рф/info/smi_o_nas/v-tsrt-sozdali-rabochuyu-gruppu-dlya-podgotovki-k-eksperimentu-po-markirovke-piva/.

¹⁹ URL: https://честныйзнак.рф/info/smi_o_nas/v-tsrt-sozdali-rabochuyu-gruppu-dlya-podgotovki-k-eksperimentu-po-markirovke-piva/.

²⁰ Репрезентативность выборки // URL: <https://scanmarket.ru/blog/reprezentativnost-vyborki>.

²¹ См.: Минпромторг отчитался о результатах первого этапа эксперимента по маркировке сигарет.

сайта вся информационная работа была исчерпана.

Предприниматели отмечали, что на указанный номер горячей линии дозвониться было невозможно. И это в ситуации огромного количества возникающих на практике вопросов. В Саратовской области бизнесу лишь недавно было представлено контактное лицо от ЦРПТ для диалога.

В-четвертых, это *увеличение финансовой нагрузки* и недостаточные финансовые возможности субъектов малого и среднего бизнеса.

Финансовая нагрузка предприятия — термин, редко используемый в современной науке и практике. Говоря об увеличении обязательств предприятия перед бюджетом (уплата налогов и сборов), внебюджетными фондами, поставщиками и подрядчиками, персоналом предприятия, употребляют термины «налоговая нагрузка», «кредиторская задолженность».

Понятие «финансовая нагрузка предприятия», по мнению исследователей, представляет собой иммобилизацию финансовых ресурсов предприятия на погашение обязательных платежей и кредиторской задолженности, оказывающую влияние на хозяйственную деятельность предприятия и его финансовое состояние²².

Уровень самой финансовой нагрузки обуславливают различные факторы, подразделяемые на внешние и внутренние. Внутренние зависят от системы финансового менеджмента, существующей в конкретной организации, ее финансовой политики; к внешним факторам, на которые сама организация повлиять не может, относят изменение финансовой политики контрагентов, бюджетного, налогового, банковского законодательства и т.п.²³

Увеличение финансовой нагрузки в связи с введением маркировки обусловлено, в частности, удорожанием хозяйственной деятельности, что связано прежде всего с необходимостью приобретения технического оборудования, требуемого для работы с товарами, подлежащими обязательной маркировке. В частности, чтобы выпустить в оборот промаркированную обувь, нужно оборудовать производство техникой нанесения и считывания кодов, закупить марки.

Казалось бы, что мешало предпринимателям внедрить у себя все необходимое и включиться в процесс маркировки продукции? Оказывается, элементарное отсутствие требующихся для этого денежных средств. Функционирование бизнеса основывается не только на получении прибыли, но и на постоянном несении расходов: на аренду офиса, выплату зарплаты сотрудникам, уплату налогов, расходы на текущие нужды и т.д., которые осуществляются только денежными средствами.

Проблемы нехватки финансирования, недостатка денег в обороте могут возникать как на начальной стадии развития бизнеса, так и у бизнеса, работающего уже не первый год, как у малых предприятий, так и у достаточно крупных.

Современное состояние бизнеса характеризуется отсутствием финансовых резервов, обусловленным низкой покупательной способностью населения, высокой закредитованностью, значительной налоговой нагрузкой и, что немаловажно, смешением имущественных сфер гражданина — физического лица и его индивидуальной предпринимательской деятельности.

Указанное объясняет ситуацию, почему субъекты малого и среднего предпринимательства оказались финансово не готовы к осуществлению затрат, необходимых для участия в эксперименте.

Кроме того, существенным образом на процесс введения маркировки повлияли экономические процессы, обусловленные пандемией: экономический кризис 2020 г., проводимые в стране и регионе ограничительные мероприятия.

Эти и обусловленные ими другие факторы не позволили бизнесу плавно перейти к новым условиям осуществления предпринимательской деятельности, вовремя закупить оборудование, обучить персонал, промаркировать продукцию.

Свидетельством несоответствия реального процесса установленным срокам внедрения является, в частности, то обстоятельство, что в Приволжском федеральном округе всего четыре типографии заключили договоры с оператором на печать этикеток с кодами, а в

²² Качалин Д. С. Анализ динамики финансовой нагрузки предприятия вследствие увеличения суммарного тарифа страховых взносов // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2011. № 24. С. 48—55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-dinamiki-finansovoy-nagruzki-predpriyatiya-vsledstvie-uvlecheniya-summarnogo-tarifa-strahovyh-vznosov> (дата обращения: 03.03.2021).

²³ См. Качалин Д. С. Указ. соч.

Саратовской области такие договоры вообще не заключены²⁴.

Увеличение налоговой нагрузки

Одним из отягчающих ситуацию показателей, отражающих усиление финансовой нагрузки, является показатель налоговой нагрузки, представляющий собой долю уплаченных сумм налогов и сборов в полученной выручке.

Чем больше уплачивается налогов и сборов, тем выше показатель налоговой нагрузки, соответственно, увеличивается уровень финансовой нагрузки и уменьшается объем финансовых ресурсов²⁵.

Предприниматели, осуществляющие торговлю товарами, подлежащими обязательной маркировке, с момента введения обязательной маркировки не имеют больше возможности применять такие налоговые режимы, как ЕНВД и ПСН. В частности, на 1 января 2021 г. вступили в силу изменения в Налоговый кодекс РФ, отменяющие ЕНВД.

Для микробизнеса сельской местности даже переход на УСН является многократным увеличением финансовой нагрузки. Льготы по УСН, установленные Законом Саратовской области от 25 ноября 2015 г. № 152-ЗСО, обусловленные введением ограничительных мероприятий, прекратили свое действие 31 декабря 2020 г.

В текущем году льготы установили лишь для 12 видов пострадавших отраслей, и они практически не коснулись предприятий, которые в связи с отменой ЕНВД вынуждены были перейти на иные системы налогообложения и оказались в числе субъектов, вовлеченных в процесс внедрения маркировки.

Представляется, что этапы введения обязательной маркировки должны быть синхронизированы с периодами изменения налоговой нагрузки.

Необходимо также предусмотреть возможность применения пониженных налоговых ставок на переходный период (или до окончания реализации товарных остатков).

Региональные уполномоченные на протяжении 2020 г. неоднократно обращались с

соответствующими инициативами к органам государственной власти субъектов РФ.

Однако на территории Саратовской области на 2021 г. такие меры поддержки, как пониженные налоговые ставки для предпринимателей, вовлеченных в процесс внедрения маркировки, не предусмотрены. Справедливости ради следует отметить, что установлены налоговые льготы для ряда категорий вновь образованных предприятий. Кроме того, оценивая ожидаемое повышение налоговых платежей как предполагаемый результат внедрения системы, эксперты отмечают, что цифровое маркирование товаров не приведет к фактическому росту налоговых доходов для бюджетной системы.

Краткосрочный положительный бюджетный эффект прироста доходов будет вызван исключительно увеличением налоговой базы в связи с переложением расходов на маркировку в конечные цены товаров («налог на налог»).

Увеличение стоимости товаров для потребителей

На официальном сайте системы маркировки «Честный ЗНАК» утверждается, что на потребителей не лягут расходы на приобретение оборудования для маркировки, их возьмет на себя бизнес. Оператор уверен, что экономический эффект от маркировки покроет эти расходы. И даже при самом консервативном сценарии после внедрения маркировки цены на товары могут снизиться на 10 % за счет снижения доли контрафакта на рынке и других позитивных эффектов²⁶.

Относительно этого следует отметить, что, выполняя обязательные требования, установленные законом, предприниматели естественным образом понесут расходы, связанные с воплощением этих требований.

Даже несмотря на небольшие, казалось бы, затраты по приобретению цифровой марки у оператора — всего 50 копеек, объем расходов на приобретение цифровой марки (цифрового кода) у государственного оператора за 11 лет увеличит расходы предприятий на 3,9 трлн рублей²⁷.

²⁴ Информация, озвученная 28 января 2021 г. на селекторном совещании с представителями органов исполнительной власти субъектов РФ по вопросу введения на территории РФ маркировки товаров средствами идентификации.

²⁵ Качалин Д. С. Указ. соч.

²⁶ Официальный сайт государственной системы маркировки и прослеживаемости Честный ЗНАК // URL: <https://xn--80ajghhoc2aj1c8b.xn--p1ai/>.

²⁷ Влияние тотального цифрового маркирования на российский рынок товаров народного потребления // URL: <http://dairyunion.ru/wp-content/uploads/2020-цифров-маркир-аналит-справка-для-министра-презентация.pdf>.

Сопоставимое удорожание деятельности предпринимателей влечет и оплата услуг типографий по печати этикеток с кодами.

При этом главной целью предпринимательской деятельности является извлечение прибыли, а увеличение производственных расходов уменьшает рентабельность деятельности и, соответственно, невыгодно предпринимателям.

Понесенные расходы по приобретению оборудования будут включены в себестоимость продукции, соответственно, увеличив цену при ее реализации.

Необходимо учитывать, что каждое посредническое звено в цепочке товарооборота прибавит к себестоимости товара свои расходы на оборудование по обеспечению прослеживаемости и НДС. Конечную же цену товара оплатит потребитель.

В отдельных случаях цены на товары могут увеличиться кратно их себестоимости, так как некоторые виды продукции стоят меньше расходов по приобретению марки (например, стоимость воды для инъекций — 30 коп.). Получается, что требуемые в связи с их маркировкой дополнительные затраты, включающие стоимость приобретения цифровой марки и необходимого оборудования (в соответствующей части) образуют сумму, превышающую расходы по производству самих товаров.

Результаты исследования, подготовленного Центром отраслевой экономики Научно-

исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации, показали, что введение цифрового маркирования товаров приведет к негативным экономическим эффектам как для бизнеса (через увеличение издержек), так и для потребителей (через рост цен): в год 1,5 трлн руб. составят затраты бизнеса в случае введения тотального цифрового маркирования на все товары народного потребления; средний вклад в рост цен на товары народного потребления на продовольственном и непродовольственном рынках составит 5,4 %²⁸.

При этом расходы на цифровое маркирование выявляются на всех этапах производства, логистики и реализации товаров.

Полагаем, что процесс внедрения систем прослеживаемости товаров носит глобальный характер и является необратимым. Не только увеличивается количество товарных групп, вовлекаемых в маркировку, но и расширяется перечень участников оборота. В российскую систему маркировки вовлекаются иностранные производители.

При этом для российской экономики важными задачами являются сохранение российских производителей товаров, а также поддержка сектора малого и среднего предпринимательства как важного элемента в формировании региональных бюджетов.

С этой точки зрения представляется, что обозначенные проблемы должны стать полем активной деятельности региональных властей.

²⁸ Влияние тотального цифрового маркирования на российский рынок товаров народного потребления // URL: <http://dairyunion.ru/wp-content/uploads/2020-цифров-маркир-аналит-справка-для-минфина-презентация.pdf>.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Аннотация. Цифровое сельское хозяйство позволяет обеспечить национальные интересы и повысить конкурентоспособность России на международном аграрном рынке. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что достижение высоких показателей АПК возможно только в случае цифровизации сельского хозяйства. Цифровизация осуществляется как в сфере производственной деятельности, так и в сфере переработки, хранения и реализации сельскохозяйственной продукции. Применение новых технологий позволяет увеличить производство сельскохозяйственной продукции за два-три ближайших десятилетия на 70 % в мире.

Основная задача информационных технологий в сельском хозяйстве — максимальная автоматизация всех этапов производственного цикла для сокращения потерь, повышения продуктивности, оптимального управления ресурсами. Сельскохозяйственное производство — высокорискованная экономическая деятельность, цифровизация которой имеет существенные особенности. В настоящее время в сфере аграрной цифровизации России две основные проблемы: нехватка квалифицированных кадров и иностранные технологии. На их преодоление и направлен ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство». Без надлежащего правового обеспечения реализация этого проекта невозможна.

Вместе с тем документы стратегического планирования, а также нормативные правовые акты в сфере сельского хозяйства не образуют единой системы норм, направленных на цифровизацию сельского хозяйства и устойчивое развитие сельских территорий. Объект исследования — общественные отношения по цифровизации сельского хозяйства. Предмет исследования — документы стратегического планирования и нормативные правовые акты, регулирующие развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Практическое значение исследования состоит в авторских предложениях по совершенствованию правового обеспечения цифровизации сельского хозяйства.

Ключевые слова: цифровизация, сельское хозяйство, цифровое сельское хозяйство, правовое обеспечение.

Для цитирования: Воронина Н. П. Правовое обеспечение цифровизации сельского хозяйства // Право и цифровая экономика. — 2021. — № 3 (13). — 20—26. — DOI: 10.17803/2618-8198.2021.13.3.020-026.

В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹ в качестве национальных целей

предусматриваются обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, а также создание в агропромышленном комплексе высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами².

Это требует создания системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в сфере сельского хозяйства.

© Воронина Н. П., 2021

* Воронина Наталья Павловна, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия
nvoroninamgua@yandex.ru

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 07.05.2018.

² В научной литературе вопросам цифровизации экономики посвящено немало публикаций. См.: Городов О. А., Егорова М. А. Основные направления совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики в России // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С. 6–12.

Россия по степени цифровизации сельского хозяйства занимает 15-е место в мире. Только 10 % пашни обрабатывается с применением технологий точного земледелия. Поэтому отмечается, что вопросы цифровизации агропромышленного комплекса должны иметь приоритетное значение, так как от уровня развития сельского хозяйства зависят продовольственная безопасность и суверенитет государства³.

Анализ действующего законодательства и документов стратегического планирования позволяет сделать вывод о том, что они не отражают специфику сельского хозяйства и риски сельскохозяйственной деятельности и не позволяют выплатить надлежащее правовое обеспечение цифровизации сельского хозяйства⁴.

Основной документ стратегического планирования построения цифровой экономики во всех ее отраслях — Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», паспорт которой был утвержден 4 июня 2019 г.⁵

В программе в части нормативного регулирования цифровой экономики отмечается, что необходимы «создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере, а также внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий» (п. 4.1).

Поэтому в сфере сельского хозяйства определение направлений цифровизации должно выступать в качестве направления государственной аграрной политики.

Стратегически в сельском хозяйстве можно определить, на наш взгляд, две взаимосвязанные сферы, в которых цифровизация позволяет обеспечить их развитие — сельскохозяйственное производство и сельские территории.

Сельскохозяйственное производство обладает рядом особенностей: использование земли и иных природных ресурсов, учет биологических факторов растений и животных,

зависимость от природно-климатических условий, сезонность, разрыв между затратами и прибылью, мобильный характер, дифференцированный подход к территориальному размещению отраслей сельского хозяйства⁶.

Также сельскохозяйственная деятельность в России характеризуется низкой конкурентоспособностью, инерционностью, инвестиционной непривлекательностью, системной безработицей, неразвитостью инфраструктуры⁷. Поэтому российское сельское хозяйство «в значительной степени дистанцировано от использования современных ИТ-технологий»⁸.

Между тем повышение конкурентоспособности российского АПК невозможно без цифровизации, которая позволит увеличить производство российской сельскохозяйственной продукции, как направляемой на экспорт, так и обеспечивающей национальные интересы государства в сфере продовольственной безопасности.

В Доктрине продовольственной безопасности до 2030 года⁹ предусматривается, что национальными интересами являются повышение качества жизни российских граждан за счет достаточного продовольственного обеспечения, обеспечение населения качественной и безопасной пищевой продукцией, устойчивое развитие и модернизация сельского и рыбного хозяйства и инфраструктуры внутреннего рынка, создание высокопроизводительного сектора, развивающегося на основе современных технологий.

Поэтому в Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия¹⁰ (далее — Программа) отмечена необходимость принятия ведомственной программы «Цифровое сельское хозяйство». В качестве цели данной программы планируется внедрение цифровых технологий в целях технологического прорыва в АПК пу-

³ См.: *Попова О. В.* Проблемы правового регулирования цифровизации в агропромышленном комплексе // *Аграрное и земельное право.* 2018. № 9. С. 96.

⁴ См.: *Воронина Н. П.* Аграрное право: современные тренды // *Бизнес. Образование. Право.* 2020. № 1. С. 333.

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: *Аграрное право : учебник / отв. ред. М. И. Палладина, Н. Г. Жаворонкова.* М. : Проспект, 2010. С. 17—18.

⁷ См.: *Боголюбов С. А.* Законодательное обеспечение развития сельского хозяйства // *Журнал российского права.* 2007. № 9. С. 47.

⁸ *Немченко А. В., Дугина Т. А., Лихолетов Е. А.* Цифровизация как приоритетное направления экономического развития аграрного производства // *Вестник Алтайской академии экономики и права.* 2019. № 4. С. 119.

⁹ URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 21.01.2020.

¹⁰ СЗ РФ. 2012. № 32. Ст. 4549.

тем повышения производительности труда в 2 раза к 2024 г.

Аналогичные программы уже действуют в ряде зарубежных стран.

В Казахстане в 2017 г. была принята программа «Цифровой Казахстан» (ЕАПК). Ее цель — «применение наилучших доступных инструментов цифровизации бизнес-процессов, обеспечивающих повышение производительности труда и экспорта переработанной продукции агропромышленного комплекса»¹¹.

Кроме того, планируется разработать портал «Е-кооперация», позволяющий сельскохозяйственным кооперативам и их членам — КФХ снизить издержки, а также создать банк данных о сельскохозяйственных кооперативах¹².

С 2019 г. в России реализуется ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»¹³.

Результат — построение цифрового сельского хозяйства, основанного на современных способах производства сельскохозяйственной продукции с использованием цифровых технологий, позволяющих обеспечить рост производительности труда и снижение затрат производства¹⁴.

Это требует создания и развития национальной платформы цифрового государственного управления сельским хозяйством «Цифровое сельское хозяйство», модуля «Агрорешения», отраслевой электронной образовательной среды «Земля знаний».

Реализация ведомственного проекта «Цифровое сельское хозяйство» предполагается в три этапа:

— на первом этапе будет создана платформа цифрового управления АПК «Цифровое сельское хозяйство», которая интегрируется с другими субплатформами для управления сельским хозяйством на регио-

нальном и муниципальном уровнях. Это позволит производителям сельскохозяйственной продукции получать государственную поддержку через общую, единую национальную цифровую платформу;

— в течение второго этапа будет создан модуль «Агрорешения» в целях увеличения эффективности деятельности производителей сельскохозяйственной продукции, включая повышение производительности труда и сокращение затрат;

— в течение третьего этапа будет сформирована система подготовки кадров для работы в условиях цифровизации АПК.

Реализация этого проекта невозможна без надлежащего правового обеспечения.

В настоящее время правовую основу цифровизации сельского хозяйства составляют:

— Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения»¹⁵;

— Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»¹⁶;

— Указ Президента РФ от 21 июля 2016 г. № 350 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в интересах развития сельского хозяйства»¹⁷;

— постановление Правительства РФ от 7 марта 2008 г. № 157 «О создании системы государственного информационного обеспечения сельского хозяйства»¹⁸;

— распоряжение Правительства РФ от 3 марта 2012 г. № 297-р «Об утверждении Основ государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012—2020 годы»¹⁹;

— распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2010 г. № 1292-р «Об утверждении

¹¹ *Задворнева Е. П.* Цифровизация сельского хозяйства Казахстана как вектор инновационного развития инфраструктуры отрасли // Региональные проблемы преобразования экономики: интеграционные процессы и механизмы формирования и социально-экономическая политика региона : материалы IX Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2018. С. 349.

¹² *Voronina N. P., Shnorr Zh. P.* Digitalization of agriculture: problems of legal support // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Future Academy, 2019. P. 950—951.

¹³ Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»: официальное издание. М. : Росинформагротех, 2019. С. 4.

¹⁴ Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство». С. 5.

¹⁵ СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3399.

¹⁶ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.

¹⁷ URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 22.07.2016.

¹⁸ СЗ РФ. 2008. № 11 (ч. I). Ст. 1027.

¹⁹ СЗ РФ. 2012. № 12. Ст. 1425.

Концепции развития государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения и земель, используемых или предоставленных для ведения сельского хозяйства в составе земель иных категорий, и формирования государственных информационных ресурсов об этих землях на период до 2020 года»²⁰;

— распоряжение Правительства РФ от 29 июня 2016 г. № 1364-р «Стратегия повышения качества пищевой продукции до 2030 года»²¹;

— распоряжение Правительства РФ от 10 августа 2019 г. № 1796-р «Об утверждении Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года»²²;

— распоряжение Правительства РФ от 12 апреля 2020 г. № 993-р «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года»²³.

Но эти политико-правовые и нормативные правовые акты не образуют единой системы норм, регулирующих процессы цифровизации сельского хозяйства.

В базовом законе, направленном на развитие сельского хозяйства, — Федеральном законе от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»²⁴ (далее — Закон) — цифровизация не предусматривается среди целей, задач, направлений государственной аграрной политики. Но это, конечно, не означает, что цифровизация сельского хозяйства не находится в фокусе государственной политики в сфере АПК.

На наш взгляд, Закон содержит полисистемное опосредованное правовое регулирование цифровизации: через государственную поддержку отдельных отраслей сельского хозяйства (растениеводства, животноводства и др.) и государственную поддержку устойчивого развития сельских территорий.

Думается, что уже сложилась объективная потребность во внесении в Закон изменений, регулирующих направления цифровизации сельского хозяйства. Как показывает немецкий опыт, цифровизация сельского хозяйства возможна по следующим направлениям: цифровое земледелие; центр компетенций в сфере цифровизации сельского хозяйства; развитие сельской инфраструктуры; сбор геоданных, метеорологических данных и данных о средствах производства. В России цифровизация сельского хозяйства возможна по следующим направлениям.

Прежде всего это цифровое земледелие. Оно включает в себя определение границ сельскохозяйственных угодий с использованием спутниковых систем навигации, дифференцированное внесение удобрений, составление цифровых карт и планирование урожайности, мониторинг посевов, отбор проб почвы в системе координат, дистанционное зондирование, применение беспилотной сельскохозяйственной техники и т.д.

Развитие цифрового земледелия позволило отдельным зарубежным странам (ФРГ, Франции, Великобритании) повысить среднюю урожайность зерновых до 7—8 т/га. Также отмечается возможность увеличения производительности сельского хозяйства в мире на 70 % к 2050 г.²⁷

В построение модели цифрового земледелия включаются: «сбор, актуализация и хранение данных; мониторинг состояния; многоцелевая оценка пригодности; моделирование потенциальной урожайности, ее прогнозирование и планирование; размещение сельскохозяйственных угодий; распределение производительных сил; проектирование ландшафтных систем земледелия, агротехнологий, программ обустройства села, кадастровой оценки и т.д.» Но внедрение цифровых технологий в земледелии осложняется отсутствием стратегического планирования управления земельными

²⁰ СЗ РФ. 2010. № 32. С. 4366.

²¹ URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 05.07.2016.

²² URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 16.08.2019.

²³ СЗ РФ. 2020. № 16. Ст. 2668.

²⁴ СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 27.

²⁵ Voronina N. P., Shnorr Zh. P. Op. cit. P. 950.

²⁶ См.: Задворнева Е. П. Указ. соч. С. 349.

²⁷ См.: Кирюшин В. И., Иванов А. Л., Козубенко И. С., Савин И. Ю. Цифровое земледелие // Вестник Российской сельскохозяйственной науки. 2018. № 5. С. 5.

²⁸ См.: Иванов А. Л. Научно-технологическое развитие землепользования с использованием цифровых технологий в земледелии // Вестник Российской сельскохозяйственной науки. 2019. Т. 89. № 5. С. 523.

ресурсами, а также надлежащей инвентаризации земель, и прежде всего земель сельскохозяйственного назначения.

Определенные шаги уже сделаны — создана ФГИС «Электронный атлас земель сельскохозяйственного назначения», обеспечивающая получение оперативного доступа органов государственной власти и местного самоуправления, физических и юридических лиц к данным мониторинга использования и состояния земель сельскохозяйственного назначения, исходя из анализа и оценкам качественного состояния земель с учетом воздействия природных и антропогенных факторов.

Вместе с тем работа по созданию цифровых сервисов эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и создания цифровых сервисов мелиоративного комплекса еще не окончена.

Крайне важную роль во внедрении цифровых технологий в отдельные виды сельскохозяйственной деятельности (растениеводство, животноводство, рыболовство и т.д.) имеют информационные ресурсы, банки знаний и технологий. Они формируются по подотраслям сельского хозяйства (например, семеноводство, племенное животноводство), объектам (в частности, пестициды и агрохимикаты и т.д.), а также по субъектам РФ. Эти ресурсы должны носить открытый характер и иметь постоянную актуализацию.

Направлениями цифровизации также могут быть обеспечение прослеживаемости сельскохозяйственной продукции, стимулирование обеспечения доступа к цифровым открытым платформам, внедрение торговых онлайн-платформ и систем для продвижения сельскохозяйственной продукции²⁹, проведение торгов в электронной форме, создание порталов по предоставлению земельных участков из государственной и муниципальной собственности (в частности, в Вологодской области действует портал «Гектар35») и др.

Основная нагрузка, в том числе и финансовая, по внедрению цифровых технологий возложена на производителей сельскохозяйственной продукции. Эта деятельность требует государственной поддержки. Ее предоставление обуславливает необходимость создания

в цифровом формате единой модели отраслевых данных в АПК по оказанию государственной помощи.

Но ни Закон, ни Программа не предусматривают конкретных мер государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, внедряющих цифровые технологии. Даже в экономически развитых странах (Канаде, Турции, Австралии, Германии, США) такая поддержка оказывается. Поэтому действующее законодательство должно быть дополнено соответствующими мерами государственной поддержки.

Как уже отмечалось ранее, цифровизация сельского хозяйства имеет свои особенности, обусловленные климатическими рисками, сезонным характером сельскохозяйственной деятельности, биологическими процессами сельскохозяйственных животных и растений.

Кроме того, значительная часть рисков связана с вопросами юридической ответственности за вред, причиненный беспривязным выпасом сельскохозяйственных животных, беспилотной сельскохозяйственной техникой, робототехникой и др.³⁰ Поэтому действующее законодательство подлежит модернизации в части правового регулирования обозначенных выше общественных отношений.

Напрямую с цифровизацией сельскохозяйственного производства связано цифровое развитие сельских территорий. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203³¹ (далее — Стратегия), отмечается, что «в России с 2014 г. осуществляется подключение сельских населенных пунктов к сети Интернет».

Поэтому такая цифровизация может рассматриваться в качестве важнейшего условия обеспечения устойчивого развития сельских территорий. Кроме того, Стратегия предусматривает, что применение информационных технологий в сельскохозяйственных организациях требует разработки комплекса мер. Данные меры должны предоставить конкурентные преимущества российским организациям, обеспечить эффективность производства и рост производительности труда.

²⁹ См.: Юрина Н. Н. Направления цифровизации сельского хозяйства России // Вестник института экономики и управления НовГУ. 2018. № 2. С. 95.

³⁰ См.: Попова О. В. Указ. соч. С. 97.

³¹ URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 10.05.2017.

Эта задача должна коррелироваться с государственной политикой в сфере развития сельского хозяйства.

В Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р³², речь идет о формировании цифровой среды «путем полного охвата радио- и телевизионным вещанием, обеспечения услугами электросвязи и почтовой связи всех жителей, включая объекты социальной сферы, обеспечения доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет и предоставления государственных услуг сельскому населению в электронном виде».

Но не все документы целеполагания в сфере устойчивого развития сельских территорий непосредственно предусматривают применение цифровых технологий.

В Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р³³, такое регулирование отсутствует.

Подводя итог, нужно отметить, что цифровизация сельского хозяйства обуславливает необходимость модернизации политико-правовых и нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере сельского хозяйства, в частности:

- совершенствования нормативного регулирования и стратегического планирования в сфере цифровизации сельского хозяйства с учетом требований Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), сформулированных на 31-й сессии региональной конференции ФАО (16—18 мая 2018 г.), согласно которым цифровизация сельского хозяйства признается инструментом, позволяющим смягчить последствия изменения климата и адаптировать сельское хозяйство к ним;
- корректирования документов стратегического планирования в сфере развития как сельского хозяйства, так и сельских территорий в части определения направлений цифровизации и приведения их в соответствие с документами стратегического планирования, направленными на цифровизацию российской экономики;
- внесения изменений в Закон и Программу в части мер государственной поддержки производителей сельскохозяйственной продукции, внедряющих цифровые технологии, робототехнику и т.д.;
- принятия федерального закона об электронных торгах, внесения соответствующих изменений в Гражданский кодекс РФ, разработки новых нормативов и стандартов (в частности, экологических)³⁴.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аграрное право : учебник / отв. ред. М. И. Палладина, Н. Г. Жаворонкова. — М. : Проспект, 2010. — 432 с.
2. Боголюбов С. А. Законодательное обеспечение развития сельского хозяйства // Журнал российского права. — 2007. — № 9. — С. 45—52.
3. Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»: официальное издание. — М. : Росинформагротех, 2019. — 48 с.
4. Воронина Н. П. Аграрное право: современные тренды // Бизнес. Образование. Право. — 2020. — № 1. — С. 331—337.
5. Городов О. А., Егорова М. А. Основные направления совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики в России // Право и цифровая экономика. — 2018. — № 1. — С. 6—12.
6. Задворнева Е. П. Цифровизация сельского хозяйства Казахстана как вектор инновационного развития инфраструктуры отрасли // Региональные проблемы преобразования экономики: интеграционные процессы и механизмы формирования и социально-экономическая политика региона : материалы IX Международной научно-практической конференции. — Махачкала, 2018. — С. 348—351.

³² СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6748.

³³ URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 06.02.2015.

³⁴ Voronina N. P., Shnorr Zh. P. Op. cit. P. 951.

7. Иванов А. Л. Научно-технологическое развитие землепользования с использованием цифровых технологий в земледелии // Вестник Российской сельскохозяйственной науки. — 2019. — Т. 89. — № 5. — С. 522—524.
8. Кирюшин В. И., Иванов А. Л., Козубенко И. С., Савин И. Ю. Цифровое земледелие // Вестник Российской сельскохозяйственной науки. — 2018. — № 5. — С. 4—9.
9. Немченко А. В., Дугина Т. А., Лихолетов Е. А. Цифровизация как приоритетное направления экономического развития аграрного производства // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2019. — № 4.
10. Попова О. В. Проблемы правового регулирования цифровизации в агропромышленном комплексе // Аграрное и земельное право. — 2018. — № 9. — С. 96—102.
11. Юрина Н. Н. Направления цифровизации сельского хозяйства России // Вестник института экономики и управления НовГУ. — 2018. — № 2. — С. 92—97.
12. Voronina N. P., Shnorr Zh. P. Digitalization of agriculture: problems of legal support // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. — Future Academy, 2019. — P. 948—953.

Б. А. Шахназаров*

ПРЕСЕЧЕНИЕ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ, НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ РЕКЛАМЫ И ЗАЩИТА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. Поощрение и развитие конкуренции в современных условиях широкого освоения цифрового пространства, и прежде всего сети Интернет, в контексте расширения рынков присутствия, развития и оптимизации торговых процессов, в условиях современных ограничений, вызванных, в частности, пандемией коронавирусной инфекции, может и должно быть эффективным средством развития как мировой, так и национальных экономик.

Важное значение имеют формирование сходных нормативных подходов к определению недобросовестной конкуренции, видов актов недобросовестной конкуренции, равно как и гармонизация правовых норм, ориентированных на правовое регулирование конкурентных отношений в сети Интернет.

Рассматриваются международно-правовые положения о пресечении недобросовестной конкуренции, а также национальные правовые подходы к пресечению недобросовестной конкуренции, недобросовестной и недостоверной рекламы, незаконному использованию персональных данных, представляющему собой акт недобросовестной конкуренции, а также к соотношению законодательства о пресечении недобросовестной конкуренции и законодательства об охране интеллектуальной собственности (Российская Федерация, ЕС, Германия, Великобритания, США, КНР).

Автор в качестве решения поставленных проблем предлагает развитие имеющихся положений (ст. 10-bis Парижской конвенции) и согласование новых правовых норм на международно-правовом уровне, которые устанавливали бы «маркеры» недобросовестной конкуренции, в том числе с использованием объектов интеллектуальной собственности, недобросовестной и недостоверной рекламы в сети Интернет.

К таким маркерам, как представляется, могут быть отнесены и технологические акты распространения недостоверных сведений, нарушающие требования добросовестности, достоверности рекламы, права на объекты интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, недобросовестная реклама, недостоверная реклама, пресечение, интеллектуальная собственность, персональные данные, сеть Интернет, цифровое пространство.

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Пресечение недобросовестной конкуренции и защита прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет // Право и цифровая экономика. — 2021. — № 3 (13). — 27—38. — DOI: 10.17803/2618-8198.2021.13.3.027-038.

Введение

Правовое регулирование предпринимательских отношений в условиях рыночной экономики, свободы торговли, развития трансграничных рынков в качестве одного из основных направлений предполагает процессы нормативно-организационного воздействия на конкурентные отношения.

© Шахназаров Б. А., 2021

* Шахназаров Бениамин Александрович, доцент кафедры международного частного права, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия
bashahnazarov@msal.ru

Поощрение и развитие конкуренции в современных условиях широкого освоения цифрового пространства, и прежде всего сети Интернет, в контексте расширения рынков присутствия, развития и оптимизации торговых процессов, в условиях современных ограничений, вызванных, в частности, пандемией коронавирусной инфекции, может и должно быть эффективным средством развития как мировой, так и национальных экономик.

Ввиду того обстоятельства, что практически на любом рынке товаров, услуг, работ конкуренты стремятся к получению преимуществ, экономическому превосходству, что логично, а также ввиду различия национально-правовых подходов к правовому регулированию отношений в сфере недобросовестной конкуренции, оценочного характера юридических норм в этой сфере зачастую возникают спорные ситуации, связанные с необходимостью оценки «правомерности» конкурентных действий.

В этом контексте важное значение имеют формирование сходных нормативных подходов к определению недобросовестной конкуренции, видов актов недобросовестной конкуренции, равно как и гармонизация правовых норм, ориентированных на правовое регулирование конкурентных отношений.

В 1900 г. на Брюссельской дипломатической конференции по пересмотру Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. в нее была добавлена статья 10 bis с целью предотвращения недобросовестной конкуренции.

Положения этой статьи, несмотря на их важное значение для формирования единых подходов к пресечению недобросовестной конкуренции, не решили всех проблем в этой сфере, многие из которых появляются в современных условиях развития информационных технологий.

Согласно отчету Подкомитета по разработке политики Комитета по недобросовестной конкуренции Международной ассоциации по товарным знакам (INTA), проблематика пресечения недобросовестной конкуренции в сети Интернет за последние два десятилетия, глобализация и электронная коммерция упростили оборот товаров, услуг, рабочей силы,

технологий и данных через территориальные границы государств¹.

Глобализация также позволила компаниям формулировать предложения товаров для конкретных потребительских ниш в глобальном масштабе, и сегодня потребители в нескольких юрисдикциях могут получить доступ к продуктам равного качества.

Эти события на рынке навсегда изменили способ ведения предпринимательской деятельности. Интернет и электронная коммерция стали важными инструментами для привлечения потребителей по всему миру.

В современных условиях электронные торговые площадки способны облегчить механизмы продвижения, продажи и торговли товарами и услугами без необходимости для пользователей (участников таких площадок) обращаться к различным поставщикам или каналам торговли для ведения своего бизнеса.

Электронная коммерция, что логично, порождает и недобросовестную конкуренцию. Имея это в виду и принимая внимание то обстоятельство, что недобросовестная конкуренция затрагивает преимущественно интересы правообладателей товарных знаков, в рамках INTA были определены 12 актов (практик) недобросовестной конкуренции, которые нарушают права на товарные знаки и развитие которых связано с активным использованием сети Интернет. INTA квалифицировала их как «современные методы недобросовестной конкуренции»².

Эти методы были выявлены в результате поиска в различных юрисдикциях, включая США, Бразилию, Китай, Колумбию, Германию, Гватемалу, Индию, Израиль. К обозначенным практикам относятся следующие группы актов недобросовестной конкуренции:

- недобросовестные практики в виртуальном пространстве (например, тайпсквоттинг (регистрация доменных имен, близких по написанию с адресами известных сайтов в расчете на привлечение введенных в заблуждение пользователей) и «присвоение» бренда (brand hijacking) посредством использования товарных знаков в качестве ключевых слов для поиска);

- распространение порочащих конкурента сведений в сети Интернет (например, срав-

¹ См.: *José Carlos Vaz E Dias*. Contemporary Unfair Competition Practices in the Digital World Published: February 1, 2020 // URL: <https://www.inta.org/contemporary-unfair-competition-practices-in-the-digital-world/> (дата обращения: 03.05.2021).

² См.: *José Carlos Vaz E Dias*. Op. cit.

нение брендов на основе неправдивой или искаженной информации и фейковых новостей);

- практики, связанные с индустрией развлечений (например, незаконный маркетинг на культурных мероприятиях);
- незаконное присвоение товарных знаков (например, использование товарных знаков в качестве художественного контента в видеоиграх);
- практики, связанные с трансграничной торговлей (перекодировка товаров, маркированных принадлежащими третьим лицам товарными знаками).

Это, безусловно, неполный список актов недобросовестной конкуренции в сети Интернет и в предпринимательской деятельности с использованием цифрового пространства, встречаются и иные формы недобросовестной конкуренции, которые также связаны с использованием товарных знаков.

Однако приведенные акты являются часто встречающимися в сети Интернет недобросовестных действий и свидетельствуют о недостаточной эффективности современного законодательства о пресечении недобросовестной конкуренции и недостаточном уровне гармонизации правового регулирования в этой сфере, равно как и о необходимости осуществления взаимодействия органов государственной власти разных стран на новом уровне, активизации деятельности саморегулируемых организаций (таких, например, как INTA), выработки эффективных, в том числе технологичных, механизмов пресечения недобросовестной конкуренции.

Саморегулирование в этом контексте посредством объединения в ассоциации организаций на основе кодексов поведения, единых методов контроля качества продукции, мониторинга нарушенных прав может сыграть важную роль в борьбе с недобросовестной конкуренцией.

Основная часть

Согласно положениям ст. 3 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», данный Закон распространяет свое действие на отношения, которые связаны с защитой конкуренции, в том числе с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной кон-

куренции, в которых участвуют российские юридические лица и иностранные юридические лица, организации, физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, различные публично-правовые субъекты.

Кроме того, рассматриваемый Закон регулирует и достигнутые за пределами территории Российской Федерации соглашения между российскими и (или) иностранными лицами либо организациями, а также совершаемые ими действия, если такие соглашения или действия оказывают влияние на состояние конкуренции на территории Российской Федерации.

Согласно п. 7 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции» конкуренция — соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается их возможность в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

При этом недобросовестная конкуренция определяется в п. 9 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции» как любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам-конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации.

К характеристикам недобросовестной конкуренции, вытекающим из приведенного определения, О. А. Городов относит³:

- наличие действия хозяйствующего субъекта или группы лиц;
- направленность действия на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности;
- противоречие действия законодательству РФ, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости;
- наличие действительных или потенциальных убытков у хозяйствующего субъекта-конкурента, возникших вследствие осуществленных действий;

³ Недобросовестная конкуренция : учебно-практическое пособие / под ред. О. А. Городова. М. : Юстицинформ, 2020. 324 с.

— наличие действительного или потенциального вреда, причиненного деловой репутации хозяйствующего субъекта-конкурента вследствие осуществленных действий.

На первый взгляд, нормативное определение понятия недобросовестной конкуренции является довольно емким, в то же время обширным и ясным. Однако в приведенных формулировках содержатся термины, которые не определены нормативно, носят оценочный характер и требуют разъяснений.

К таким терминам стоит отнести: «преимущества, полученные при осуществлении предпринимательской деятельности»; «противоречие требованиям добропорядочности, разумности и справедливости». Определение потенциальных убытков, потенциального вреда деловой репутации также носит оценочный характер.

При этом, если обратиться к международно-правовым нормам, в частности к ст. 10 bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г., на положения которой зачастую ссылаются российские правоприменительные органы, то становится очевидным отсутствие четких нормативных критериев определения актов недобросовестной конкуренции.

Закреплено лишь общее положение, определяющее акт недобросовестной конкуренции как любой акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах.

Вместе с тем не разъясняется, что понимается под честным обычаем в промышленных и торговых делах. Перечисляются некоторые действия, которые, в частности, являются актами недобросовестной конкуренции и подлежат запрету:

- все действия, способные каким бы то ни было способом вызвать смешение в отношении предприятия, продуктов или промышленной или торговой деятельности конкурента;
- ложные утверждения при осуществлении коммерческой деятельности, способные дискредитировать предприятие, продукты или промышленную или торговую деятельность конкурента;
- указания или утверждения, использование которых при осуществлении коммерческой деятельности может ввести общественность в заблуждение относительно характера, способа изготовления, свойств,

пригодности к применению или количества товаров.

Именно эти положения Парижской конвенции 1883 г. при их квалификации и конкретизации с учетом особенностей процессов эволюции российского законодательства и отечественной экономики легли в основу главы 2.1 Федерального закона «О защите конкуренции», в частности статей 14.1 «Запрет на недобросовестную конкуренцию путем дискредитации», 14.2 «Запрет на недобросовестную конкуренцию путем введения в заблуждение», 14.6 «Запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с созданием смешения», и др.

Согласно п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства», перечень форм недобросовестной конкуренции не является исчерпывающим (ст. 14.8 Закона «О защите конкуренции») и при квалификации действий конкретного лица в качестве акта недобросовестной конкуренции на основании ст. 14.8 Закона «О защите конкуренции» оцениваются общие признаки недобросовестной конкуренции, определенные указанными выше п. 9 ст. 4 Закона «О защите конкуренции», ст. 10 bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности.

С законодательными положениями о недобросовестной конкуренции тесно связано и законодательство о рекламе. Недобросовестная реклама является одним из актов недобросовестной конкуренции согласно ст. 5 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе», отсылающей к положениям Федерального закона «О защите конкуренции».

Реклама в сети Интернет подпадает под объем общего понятия рекламы, определенного в ст. 3 Федерального закона «О рекламе» как информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

При этом Закон «О рекламе» применяется к отношениям в сфере рекламы независимо от места ее производства, если распространение рекламы осуществляется на территории Российской Федерации (ст. 2 Закона).

Реклама в сети Интернет, распространение которой осуществляется на территории России, подпадает под регулирование российского законодательства о рекламе⁴.

По вопросам квалификации рекламы, которая относится к регулированию Закона «О рекламе», ФАС России еще в 2012 г. дано разъяснение, согласно которому Интернет не содержит ограничений в отношении территории, с которой можно осуществить доступ к размещенной в данной сети информации, в связи с чем с компьютера пользователя, расположенного на территории России, возможно получить доступ к информации, размещенной в различных странах мира.

Вместе с тем, учитывая особенности правового регулирования в сети Интернет, а также признание Рунета в качестве «виртуальной территории Российской Федерации», ФАС России полагает, что под рекламой, распространенной в сети Интернет, понимается реклама, размещенная на интернет-сайтах, зарегистрированных в доменных зонах .SU, .RU и .RF, а также на русскоязычных страницах сайтов в иных зонах, поскольку информация на данных сайтах предназначена для потребителей в России⁵.

ФАС России отдельно отмечает, что специальных требований к рекламе в сети Интернет Закон «О рекламе» не предусматривает, устанавливая общие требования достоверности и добросовестности рекламы, а также иные особые требования к рекламе отдельных видов товаров и услуг⁶.

К специальным требованиям, например, относится необходимость в рекламе товаров при дистанционном способе их продажи указывать сведения о продавце таких товаров (ст. 8 Закона «О рекламе»).

Одним из спорных вопросов регулирования рекламы в Интернете долгое время являлась возможность рассмотрения ФАС России споров в сфере рекламы на иностранных серверах⁷.

Так, решение о том, что размещение информации о товаре/услуге в ролике на видео-

хостинге YouTube, являющемся иностранным сервером, отвечает всем признакам рекламы, направленной на российских потребителей и может нарушать требования российских нормативных правовых актов, было вынесено УФАС по Ленинградской области в отношении известного блогера Анастасии Ивлеевой (Анастасия Вячеславовна Узениук), которая выложила на своем YouTube-канале видео с рецептом алкогольного коктейля, используя в процессе брендируемый бокал «Martini», повернутый этикеткой с обозначением торговой марки «Martini» к зрителям⁸.

Таким образом, ФАС России выносит решения и по делам, вытекающим из нарушения российского законодательства, связанным с неправомерной рекламой на сайтах, не относящихся к российской доменной зоне.

Что касается опыта зарубежных государств, то стоит отметить сохраняющуюся неопределенность в регулировании отношений, складывающихся по поводу недобросовестной конкуренции, даже несмотря на наличие универсальных норм, действующих более 50 лет.

Так, в США до сих пор встречается узкое понимание недобросовестной конкуренции, согласно которому ее установление сводится к необходимости определения факта введения в заблуждение, что регламентировано положениями раздела 43 Закона США о товарных знаках (Лэнхэм акт, 1946 г.).

С этой точки зрения недобросовестная конкуренция представляет собой акты нарушения прав на незарегистрированные товарные знаки и некоторые акты рекламы, вводящей в заблуждение (Лэнхэм акт, раздел 43(a)(1)(B), 15 U.S.C. § 1125(a)(1)(B)).

Это узкий подход к пониманию недобросовестной конкуренции в праве США. Но даже этот узкий подход остается неоднозначным в своей реализации. Так, в кейсе *Belmora LLC v. Bayer Consumer Care AG* 819 F.3d 697 (4th Cir. 2016), 15-1335 основной для разрешения судом проблемой были степень и границы защиты от недобросовестной конкуренции Разделом

⁴ См.: Сазонова М. Реклама в Интернете: как избежать нарушения закона? // URL: <https://www.garant.ru/article/1421318/> (дата обращения: 08.05.2021).

⁵ Письмо ФАС России от 3 августа 2012 г. № АК/24981 «О рекламе алкогольной продукции в Интернете и печатных СМИ».

⁶ Письма ФАС России от 25 сентября 2019 г. № АК/83509/19 «О разъяснении по вопросу рекламы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Пункт 1.

⁷ См: Сазонова М. Указ. соч.

⁸ Решение по делу № 047/05/21-12/2020 от 29 сентября 2020 г.

43(a) Закона США о товарных знаках в отсутствие охраняемого знака.

В американской доктрине отмечается нелогичность того обстоятельства, что такой вопрос мог все еще оставаться неразрешенным через более чем 50 лет после принятия Закона США о товарных знаках⁹.

Иной, «широкий» подход заключается в том, что недобросовестная конкуренция активно развивается в самом широком круге недобросовестных практик ведения предпринимательской деятельности (помимо смешения, коллизий знаков и рекламы, вводящей в заблуждение).

Самое широкое понимание недобросовестной конкуренции в связи с этим сводится к ее определению как любому проявлению несправедливости или нечестного (недобросовестного) поведения в торговле¹⁰.

Однако исторический анализ американского законодательства в его хронологической эволюции (первые антимонопольные законы были приняты в США на пороге XX века: Закон Шермана 1890 г., Закон Клейтона 1914 г.) показывает, что законодательство о недобросовестной конкуренции не повлияло на формирование законодательства о товарных знаках.

Напротив, отсутствие эффективного правового регулирования отношений в сфере недобросовестной конкуренции в современном американском праве выглядит как недостаток законодательства о товарных знаках (Farley Christine).

Несмотря на преобладание в американской доктрине противоположной позиции о том, что товарные знаки являются лишь частью более широкой области законодательства о недобросовестной конкуренции, высказанный выше подход о более широком правовом поле и общем характере законодательства о товарных знаках представляется наиболее адекватным международно-правовому пониманию соотношения законодательства о товарных знаках и недобросовестной конкуренции

(ст. 10 bis Парижской конвенции) и прагматичным.

Закон о Федеральной торговой комиссии США 1994 г. (15 U.S.C. §§ 41-58) позволяет Федеральной торговой комиссии действовать в интересах всех потребителей и предотвращать вводящие в заблуждение и недобросовестные действия или практики.

При толковании Раздела 5 Закона Комиссия определила, что воспроизведение, бездействие или практика считаются вводящими в заблуждение, если они могут вводить в заблуждение потребителей и влиять на поведение потребителей или их решения о продукте или услуге¹¹.

Кроме того, действие или практика являются недобросовестными, если ущерб, который они вызывают или могут вызвать, является существенным, не нивелируется другими преимуществами и его невозможно избежать в обычных (разумных) условиях.

Закон о Федеральной торговой комиссии запрещает недобросовестную или вводящую в заблуждение рекламу в любых средствах массовой информации. То есть реклама должна быть достоверной (правдивой), а не вводить потребителей в заблуждение. Рекламное заявление может вводить в заблуждение, если не указана соответствующая информация или если заявление подразумевает что-то, что не соответствует действительности.

Продавцы несут ответственность за претензии, связанные с информацией о товарах и услугах.

Третьи стороны, такие как рекламные агентства или дизайнеры веб-сайтов и маркетологи — составители каталогов, также могут нести ответственность за создание или распространение ложных представлений, если они участвуют в подготовке или распространении рекламы или знают об использовании вводящей в заблуждение информации.

В связи с этим рекламные агентства или дизайнеры веб-сайтов несут ответственность за проверку информации, используемой для

⁹ The Lost unfair competition law. American University Washington college of law digital commons // American University Washington college of law articles in Law reviews & Other Academic Journals Scholarship & Research. 2020. P. 743. URL: https://digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2851&context=facsch_lawrev (дата обращения: 03.05.2021).

¹⁰ Положения о недобросовестной конкуренции — это широкая и гибкая доктрина, широко характеризуемая как охватывающая любую форму коммерческой безнравственности или просто попытку «преуспеть за чужой счет» (Telecom Int'l Am. Ltd. против AT&T, 289 F.3d 185, 198 (2d Cir. 2001)).

¹¹ Advertising and marketing on the internet: rules of the road // URL: <https://www.ftc.gov/tips-advice/business-center/guidance/advertising-marketing-internet-rules-road> (дата обращения: 03.05.2021).

обоснования рекламных заявлений. Они не могут просто полагаться на заверения рекламодателя в обоснованности заявлений.

При определении ответственности рекламного агентства Федеральная торговая комиссия рассматривает степень участия агентства в подготовке оспариваемой рекламы, а также вопрос о том, знало ли агентство или должно было знать, что объявление содержало ложные или вводящие в заблуждение заявления.

Чтобы обезопасить себя от рисков возможной ответственности, маркетологи — составители каталогов должны запрашивать материалы для подтверждения своих заявлений, а не дублировать автоматически информацию о товаре от производителей.

Таким образом, нормативный подход США к пресечению недобросовестной конкуренции в рекламе исходит из дифференцированного подхода к ответственности и жестких требований к указанию достоверной информации.

В праве США встречаются и некоторые нюансы отдельных рекламных заявлений, обозначений или рекламы определенной категории товаров. Так, если в рекламном объявлении используются такие фразы, как «гарантированное удовлетворение» или «гарантия возврата денег», необходимо быть готовым предоставить полный возврат средств по любой причине («Руководство по использованию в рекламе гарантий»).

Кроме того, чтобы иметь возможность рекламировать или маркировать товар с помощью обозначения «Made in USA» (сделано в США), товар должен быть полностью или практически полностью произведен в США.

Что касается отдельных категорий товаров, то, например, законы о текстиле и шерсти требуют раскрытия информации о стране происхождения в каталогах и другой рекламе по почте, а также в интернет-объявлениях, в которых продаются текстильные и шерстяные изделия.

Указанные требования, как представляется, являются следствием развития в праве США положений Парижской конвенции об отнесении к объектам охраны промышленной собственности указаний происхождения и пресечении недобросовестной конкуренции (п. 2 ст. 1).

Федеральная торговая комиссия осуществляет тем самым деятельность, направленную

на защиту прав потребителей, чтобы предотвратить мошенничество, обман и недобросовестность в ведении бизнеса, а также обеспечить предоставление информации, которая поможет потребителям обнаружить, пресечь и избежать обозначенных явлений.

Таким образом, в праве США реализован детализированный подход к пресечению недобросовестной конкуренции, и прежде всего в контексте охраны объектов промышленной собственности и для целей защиты прав потребителей.

Говоря о подходе Европейского Союза, стоит отметить, что в течение долгого времени консервативный подход ЕС заключался в том, что антимонопольные органы уделяли особое внимание вопросам концентрации персональных данных на аналитическом уровне, в то же время тщательно сдерживая свою контрольную деятельность.

Преобладающее мнение было лучше всего резюмировано Судом ЕС, позиция которого заключалась в том, что «любые возможные проблемы, связанные с конфиденциальностью персональных данных, как таковые не являются вопросом законодательства о конкуренции, они могут быть решены на основе соответствующих положений, регулирующих защиту данных»¹².

В то же время сбор персональных данных может вызвать проблемы, связанные с недобросовестной конкуренцией в определенных обстоятельствах в сети Интернет. Вопросы конфиденциальности данных строго относятся к сфере компетенции законодательства о защите персональных данных ЕС.

В последнее время национальные европейские регуляторы конкурентных отношений стали уделять все больше внимания взаимосвязи между защитой прав потребителей и их персональных данных и развитием конкуренции и рыночных отношений.

Главный риск здесь сводится к тому, что компании, занимающие доминирующее на рынке положение, могут злоупотребить своим уникальным положением и доступом к персональным данным, и прежде всего в цифровой среде, в ущерб как потребителям, так и конкурентам.

Законодательство о конкуренции и законодательство в сфере защиты персональных

¹² См.: *Mclver Timothy, Heemsoth Anne-Mette*. Regulating the Internet: Are EU Antitrust and Data Privacy Rules Converging? 14 August 2020 // URL: <https://www.debevoise.com/insights/publications/2020/08/regulating-the-internet-are-eu-antitrust> (дата обращения: 06.05.2021).

данных преследуют разные цели, и использование нормативных правовых актов в одной сфере для регулирования другой сферы отношений может привести к непоследовательному правоприменению, в значительной степени зависящему от масштабов деятельности компании, хранящей и обрабатывающей персональные данные (от того, занимает ли компания доминирующее положение).

Так, например, Федеральное ведомство по картелям Германии (федеральный антимонопольный орган Германии) в своей деятельности исходит из того, что законы о персональных данных и конкуренции не исключают друг друга.

Уже в 2016 г. в подготовленном совместно с французским антимонопольным ведомством документе (Законодательство о защите конкуренции и персональных данных¹³) было сформулировано положение о том, что снижение уровня защиты персональных данных действительно может быть проблемой конкурентного законодательства.

В 2016 г. Федеральное ведомство по картелям Германии начало расследование деятельности Facebook, которое привело к решению в феврале 2019 г.¹⁴ о том, что используемый компанией способ и объем сбора и использования данных нарушают европейские правила защиты персональных данных (Общий регламент по защите данных — GDPR) и тем самым также являются злоупотреблением положением на рынке.

В частности, Facebook сделал использование своей социальной сети условием сбора пользовательских данных из других приложений, которыми он владел, включая Instagram и WhatsApp, а также из нескольких сторонних источников.

В то же время германскими правоприменительными органами формулируется и иная позиция. Так, в ходе промежуточного разбирательства Высший земельный суд Дюссельдорфа в августе 2019 г. наложил на Facebook временный судебный запрет, установив (среди прочего), что пользователи могут сбалансировать последствия использования их персональных данных при помощи технологических средств Facebook, финансируемых за

счет рекламы платформы (и, следовательно, бесплатных).

Суд постановил, что конфиденциальность данных в этом контексте является проблемой законодательства о защите персональных данных, а не конкуренции. Что еще более важно, суд также отметил, что нарушение GDPR доминирующим игроком не будет автоматически считаться злоупотреблением доминирующим положением.

При этом в июне 2020 г. Федеральный верховный суд Германии предварительно согласился с первоначальным решением Федерального ведомства по картелям, запретив Facebook объединять личные данные без конкретного (а не общего) согласия пользователя.

Суд счел, что у него нет разумных сомнений в том, что Facebook злоупотребляет своим доминирующим положением на рынке социальных сетей в Германии и что условия Facebook потенциально могут считаться как эксплуатационными (т.е. не предоставлять пользователям альтернативы принятию условий Facebook), так и исключительными (т.е. доступ Facebook к значительно большей базе данных, вероятно, окажет негативное влияние на конкуренцию на соседних рынках рекламных услуг).

Таким образом, тенденция к признанию взаимосвязи законодательства о защите персональных данных и защите конкуренции в германской правоприменительной практике, в том числе в части определения факта злоупотребления доминирующим положением, в полной мере еще не сформировалась.

Но такая возможность, уже используемая судами и антимонопольными органами, демонстрирует особое значение и прогрессивный характер европейских правил о защите персональных данных при определении недобросовестных практик, факта нарушения антимонопольного законодательства крупными технологическими компаниями, осуществляющими свою деятельность в сети Интернет, в цифровом пространстве в целом.

Представляется, что активное освоение цифрового пространства различными компаниями, практически независимо от вида деятельности, в современных условиях так

¹³ Competition law and data. 10th May, 2016 // Autorite de la concurrence, Bundeskartellamt. URL: https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Publikation/DE/Berichte/Big%20Data%20Papier.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (дата обращения: 08.05.2021).

¹⁴ См.: *McIver Timothy, Heemsoth Anne-Mette*. Op. cit.

или иначе может быть связано с обработкой и использованием персональных данных, в том числе взятых из открытых источников, в частности из социальных сетей.

Такая деятельность может носить умышленный характер и быть направлена на получение преимуществ, а в случае противоречия законодательству о защите персональных данных может быть признана недобросовестной, т.е. соблюдение законодательства о защите конкуренции может служить одним из критериев добросовестности деятельности компании, связанной с обработкой персональных данных, в том числе при рекламе товаров и услуг.

В этом контексте сходным представляется и подход Великобритании. В рамках Ведомства Великобритании по конкуренции и рынкам (UK Competition and Markets Authority, CMA), которое особое внимание уделяет цифровым рынкам и рекламе на цифровых рынках, было создано специальное «цифровое» подразделение.

Так, 7 апреля 2021 г. Департамент предпринимательской деятельности и промышленной стратегии (BEIS), Департамент культуры, СМИ и спорта (DCMS) и Ведомство по конкуренции и рынкам (CMA) объявили о создании подразделения цифровых рынков (Digital markets unit, DMU), которое призвано осуществлять надзор за соблюдением режима регулирования для самых влиятельных «цифровых» компаний, способствуя усилению конкуренции и инноваций на этих рынках и защищая потребителей и бизнес от актов недобросовестной конкуренции.

Его основная роль будет заключаться в регулировании онлайн-рынков и платформ. Подразделение будет контролировать планы по предоставлению потребителям большего выбора и контроля над своими данными, поощрению онлайн-конкуренции и пресечению недобросовестных действий, которые часто могут оставлять предприятиям и потребителям меньший выбор и вынуждать приобретать более дорогие товары и услуги.

Как только отдельный нормативный правовой акт, устанавливающий соответствующий режим правового регулирования цифро-

вых рынков, будет принят (вероятно, в конце 2021 — 2022 г.), подразделение будет наделено всеми законными полномочиями для обеспечения соблюдения нового режима регулирования цифровых рынков онлайн¹⁵.

Отдельное правовое регулирование недобросовестной конкуренции на цифровых рынках через специальный правовой режим и специальное надзорное подразделение в этой сфере в Великобритании представляется оправданной и целесообразной мерой в контексте стремительного роста цифровых рынков товаров и услуг и специфики конкурентных отношений в цифровом пространстве.

Законодательный подход Китайской Народной Республики к пресечению недобросовестной конкуренции в сети Интернет также представляет особый интерес в контексте того обстоятельства, что китайские компании занимают лидирующие позиции на международных рынках электронной торговли.

Так, согласно ст. 12 Закона КНР о борьбе с недобросовестной конкуренцией¹⁶ компании, занимающиеся производством или распространением товаров и услуг в сети Интернет, должны соблюдать положения Закона, и ни одна компания не может с помощью технических средств влиять на выбор пользователей (потребителей), в том числе совершать следующие действия по вмешательству или дискредитации нормальной работы по онлайн-продаже товаров или услуг, реализуемой на законных основаниях другими компаниями:

- 1) вставку ссылки или принудительное перенаправление URL-адреса в онлайн-продукте или услуге, предоставленных на законных основаниях другой коммерческой организацией, без ее согласия;
- 2) введение в заблуждение, обман или принуждение пользователей к изменению, закрытию или удалению онлайн-продукта или услуги, законно предоставленных другой коммерческой организацией.
- 3) недобросовестное создание несовместимости с онлайн-продуктом или услугой, законно предоставляемых другой коммерческой организацией.
- 4) иные действия, связанные с вмешательством или дискредитацией нормальной

¹⁵ Bell R. New UK digital regulatory regime launched with establishment of Digital markets unit // URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/new-uk-digital-regulatory-regime-6326984/> (дата обращения: 08.05.2021).

¹⁶ Anti-unfair competition law of the People's Republic of China (2019 Amendment) [Effective]. 中华人民共和国反不正当竞争法 (2019 修正) [现行有效] // URL: <https://www.hongfanglaw.com/wp-content/uploads/2019/10/Anti-Unfair-Competition-Law-of-the-Peoples-Republic-of-China-2019-AmendmentEnglish.pdf>.

работы онлайн-продуктов или услуг, законно предоставленных другой коммерческой организацией.

В дополнение к положениям Закона КНР о борьбе с недобросовестной конкуренцией, в который были внесены поправки в 2017 и 2019 гг., с 1 января 2021 г. в Шанхае вступили в силу первые в Китае локальные правила по борьбе с недобросовестной конкуренцией, в которых делается акцент на пресечении недобросовестной конкуренции в сети Интернет.

На 26-й сессии Постоянного комитета Шанхайского муниципального народного конгресса были приняты новые поправки к постановлению муниципалитета Шанхая по борьбе с недобросовестной конкуренцией. Правила призваны способствовать установлению стабильных деловых отношений и защите прав потребителей и бизнес-операторов.

Это первое местное постановление о борьбе с недобросовестной конкуренцией в Китае после внесения поправок в Закон о борьбе с недобросовестной конкуренцией в 2017 и 2019 гг.¹⁷

Постановление разъясняет следующие семь видов недобросовестной конкуренции, закрепленных в Законе:

- 1) действия, вызывающие смешение, включая использование без разрешения знаков, которые идентичны или похожи на знаки другого лица; уникальной формы товара другого правообладателя; названия программы; логотипа компании, названия интернет-магазина, имени или логотипа, используемых в социальных сетях, а также названия или значка приложения, имеющего определенное влияние;
- 2) коммерческий подкуп;
- 3) ложная реклама;
- 4) нарушение коммерческой тайны;
- 5) нелегальные продажи премиум-класса;
- 6) коммерческая клевета;
- 7) недобросовестная конкуренция в сети Интернет.

Недобросовестная конкуренция в сети Интернет, как видно, выделена в отдельную группу актов. При этом очевидно, что предыдущие шесть групп актов недобросовестной конкуренции могут быть выражены в цифровом пространстве, что ставит под сомнение целесообразность такой классификации актов недобросовестной конкуренции.

Вместе с тем в соответствии со ст. 8 постановления операторам не разрешается помогать другим операторам создавать смешение, устанавливая связь между ключевым словом и знаком третьей стороны, пользующимся определенной репутацией.

Очевидно, что эти положения развивают положения ст. 8 Закона о борьбе с недобросовестной конкуренцией, согласно которой компания не должна помогать другой компании вести ложную или вводящую в заблуждение коммерческую рекламу путем организации ложных транзакций или любым другим способом, а также компании не должны вести ложную или вводящую в заблуждение коммерческую рекламу в отношении производительности, функций, качества товаров, показателей продажи, отзывов пользователей и полученных наград за продаваемые товары, с целью обмана или введение в заблуждение потребителей.

Статьи 12 и 13 постановления перечисляют информацию, которая может быть истолкована как коммерческая тайна, и обеспечивают для этого определенные уровни конфиденциальности.

В статье 14 указаны конкретные обстоятельства, которые представляют собой незаконную премиальную продажу, а в статье 15 разъясняются несколько типов методов распространения информации, составляющих коммерческую клевету.

Таким образом, китайское законодательство формируется по пути конкретизации положений Закона КНР о борьбе с недобросовестной конкуренцией на местном уровне, в целом исходя из принципа технологической нейтральности.

В то же время уточняются некоторые акты недобросовестной конкуренции, которые могут быть реализованы исключительно в сети Интернет, что представляется целесообразным форматом совершенствования законодательства о пресечении недобросовестной конкуренции.

Заключение

С учетом проведенного анализа положений Парижской конвенции и национального законодательства различных государств о недобросовестной конкуренции представляется возможным сделать следующие выводы.

¹⁷ См.: *Ma Mary*. Shanghai releases China's first local anti-unfair competition regulations // URL: <https://www.iam-media.com/shanghai-releases-chinas-first-local-anti-unfair-competition-regulations> (дата обращения: 08.05.2020).

Гармонизация национального законодательства государств именно на основе положений ст. 10 bis Парижской конвенции, их разъяснений, которые могли бы последовать от ВОИС с учетом современной мировой практики пресечения недобросовестной конкуренции, в том числе в контексте использования нарушителями цифровых технологий, сети Интернет, позволит обеспечить эффективное правовое поле борьбы с недобросовестной конкуренцией на трансграничном уровне.

При этом не хватает эффективного международно-правового регулирования вопросов соотношения законодательства об интеллектуальной собственности и законодательства о рекламе.

Международный кодекс рекламной практики, разработанный МТП, будучи рекомендательным актом, ориентированным на саморегулирование рекламной деятельности (что следует из введения к Кодексу), практически не решает этот вопрос.

В статье 4 Кодекса содержится общее рекомендательное положение о том, что реклама не должна содержать заявлений и образов, которые непосредственно или косвенно, умышленно или по оплошности, за счет замалчивания, двусмысленности или преувеличений могут ввести в заблуждение потребителя, в частности по отношению к таким характеристикам, как авторские права и права промышленной собственности, патенты, товарные знаки, конструкции и модели, фирменные наименования.

Наблюдается ярко выраженный вектор на соотношение законодательства о недобросовестной конкуренции с законодательством об охране товарных знаков. В то же время нарушения прав и на иные объекты интеллектуальной собственности (патентуемые объекты, произведения) может представ-

лять собой акты недобросовестной конкуренции.

Положения о недобросовестной и недостоверной рекламе практически не регламентированы на международно-правовом уровне. В условиях цифровой трансграничности, глобализации и свободы торговли разные национальные подходы к рекламной деятельности в сети Интернет могут серьезно осложнить реализацию мер по предупреждению и пресечению такой рекламы на трансграничных рынках товаров и услуг.

Решением обозначенных проблем видится развитие имеющихся положений (ст. 10 bis Парижской конвенции) и согласование новых правовых норм на международно-правовом уровне, которые устанавливали бы «маркеры» недобросовестной конкуренции, в том числе с использованием объектов интеллектуальной собственности, недобросовестной и недостоверной рекламы в сети Интернет.

К таким маркерам, как представляется, могут быть отнесены и технологические акты распространения недостоверных сведений, нарушающие требования добросовестности, достоверности рекламы, права на объекты интеллектуальной собственности.

За основу квалификации соответствующих действий могут быть приняты факты введения пользователей, потребителей в заблуждение в цифровом пространстве, факты незаконного сбора и обработки с использованием информационных технологий персональных данных в вышеуказанных целях, факты использования в «национальном» сегменте сети Интернет (доменная зона, а также сайты на государственном языке, ориентированные на пользователей из конкретной страны), в том числе в рекламных целях, объектов интеллектуальной собственности, широко распространенных и имеющих правовую охрану в другой стране.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Недобросовестная конкуренция : учебно-практическое пособие / под ред. О. А. Городова. — М. : Юстицинформ, 2020. — 324 с.
2. Сазонова М. Реклама в Интернете: как избежать нарушения закона? 11.11.2020 // URL: <https://www.garant.ru/article/1421318/> (дата обращения: 08.05.2021).
3. Bell R. New UK digital regulatory regime launched with establishment of Digital markets unit // URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/new-uk-digital-regulatory-regime-6326984/> (дата обращения: 08.05.2021).

4. *José Carlos Vaz E Dias*. Contemporary unfair competition practices in the digital world published. February 1, 2020 // URL: <https://www.inta.org/contemporary-unfair-competition-practices-in-the-digital-world/> (дата обращения: 03.05.2021).
5. *Ma Mary*. Shanghai releases China's first local anti-unfair competition regulations // URL: <https://www.iam-media.com/shanghai-releases-chinas-first-local-anti-unfair-competition-regulations> (дата обращения: 08.05.2020).
6. *McIver Timothy, Heemsoth Anne-Mette*. Regulating the Internet: Are EU antitrust and data privacy rules converging? 14 August 2020 // URL: <https://www.debevoise.com/insights/publications/2020/08/regulating-the-internet-are-eu-antitrust> (дата обращения: 06.05.2021).

А. А. Карцхия*

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

Аннотация. Цель и задачи: рассмотрение структурных и содержательных особенностей правового регулирования новой области цифровой медицины и цифрового здравоохранения.

Научная значимость: формирование цифрового здравоохранения имеет исключительно актуальное значение в национальном и международном аспектах как новая область медицины и новая сфера правового регулирования.

Используется структурно-логический подход при оценке действующего законодательства с учетом сравнительно-правового анализа национального и международного нормотворчества в сфере цифрового здравоохранения.

Автор приходит к выводу об исключительной важности цифрового здравоохранения в современных условиях, что требует разработки специального законодательства в этой сфере, определения правового понятийного аппарата и структурного содержания.

Ключевые слова: цифровая экономика; медицинские технологии; medtech; персональная медицина; цифровые технологии; биометрические данные; цифровая медицина; телемедицина.

Для цитирования: Карцхия А. А. Формирование цифрового здравоохранения как вызов времени // Право и цифровая экономика. — 2021. — № 3 (13). — 39—46. — DOI: 10.17803/2618-8198.2021.13.3.039-046.

Введение

Цифровизация и цифровые технологии активно применяются во многих сферах деятельности человека. В последние десятилетия цифровые технологии стали широко использоваться в медицине и здравоохранении.

Эта тенденция набирает популярность во многих развитых странах, поскольку внедрение инновационных технологий не только способствует развитию превентивной персонализированной медицины, но и облегчает принятие управленческих решений.

Цифровая медицина развивается бурными темпами благодаря стремительному освоению медициной таких технологий, как:

- а) искусственный интеллект (*artificial intelligence*), который обеспечивает новые решения для диагностики и лечения;
- б) большие данные (*big data*), которые создают облачные хранилища и служат основой предиктивной аналитики;
- в) телемедицина и программные приложения, особенно востребованные в эпоху эпидемии;

г) блокчейн-технология (*blockchain tech*), обеспечивающая безопасность и достоверность сведений и обработку данных;

д) медицинский интернет вещей (*IoT*), формирующий экосистему устройств и датчиков для защиты здоровья человека.

Искусственный интеллект привнес в медицину новые инновационные технологии и решения для диагностики и лечения болезней, улучшения работы медицинского персонала и уровня обслуживания пациентов, значительного повышения скорости и точности постановки диагноза.

В частности, можно привести примеры использования технологии искусственного интеллекта:

© А. А. Карцхия, 2021

* Карцхия Александр Амиранович, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия
arhz50@mail.ru

- диагностика онкозаболеваний и радиологические обследования (платформа Watson Health от IBM и российская разработка TeleMD);
- технология Google — DeepMind Health, работающая в офтальмологических клиниках;
- технология УЗИ-диагностики беременных ScanNav;
- диагностика инфекций крови с помощью умного микроскопа VIDMC, нейронная сеть которого изучает изображения вредных бактерий для диагностики заболеваний крови;
- конечно, всемирно известный робот-хирург Da Vinci с искусственным интеллектом, который работает во многих клиниках по всему миру.

Расширяется использование современных робототехнических устройств в гражданской и военной медицине. В целом доля используемых медицинских роботов в общем объеме продаж сервисных роботов в мире составляет более 30 %, и эта доля постоянно увеличивается¹.

Цифровизация в медицине и цифровое здравоохранение

Современные особенности развития цифровизации в сфере медицины, появление новых рисков и выявление негативных факторов в национальных системах здравоохранения ярко проявились в период пандемии COVID-19 по всему миру.

Глубинные диспропорции в здравоохранении, образовании, финансовой стабильности и технологиях, как отмечено в специальном докладе Всемирному экономическому форуму (Давос, 2021 г.)², привели к тому, что кризис непропорционально сильно повлиял на определенные социальные группы и страны.

Пробелы в общественном здравоохранении, цифровое неравенство, неравенство в образовании и безработица, возникшие в результате сложного сочетания существующего неравенства и последствий пандемии, в наибольшей степени затрагивают уязвимые группы населения и приводят к «социальной фрагментации».

Пандемия привела к перенапряжению в национальных системах здравоохранения, выявив их недостаточный потенциал. Больницы по всему миру были быстро перегружены, некоторые страны сообщали о нехватке медикаментов, медицинские работники боролись с тревогой, депрессией, страхом, изоляцией и даже социальной стигматизацией.

Финансовые, физические и психические стрессы заставили многих из них задуматься о прекращении работы или уходе из профессии.

В докладе отмечено, что ущерб от COVID-19 усугубляется давним неравенством полов, рас, возрастов и доходов. Обездоленные социальные группы вступили в кризис с более низкой устойчивостью в результате неравенства в благосостоянии, финансовой стабильности и безопасности, а также в доступе к здравоохранению, образованию и технологиям.

Ранее подчеркивалось, что неравенство доходов, несмотря на их снижение в глобальном масштабе, достигло исторических максимумов во многих странах. Как в развитых, так и в развивающихся странах число людей без доступа к качественному и доступному медицинскому обслуживанию, образованию или цифровым инструментам возрастает.

В краткосрочной перспективе справедливое и эффективное распределение вакцин находится под угрозой из-за протекционистских тенденций и геополитической напряженности точно так же, как эти тенденции и напряженность поставили под угрозу основные поставки медикаментов, когда началась пандемия.

В долгосрочной перспективе неравный доступ к качественному медицинскому обслуживанию будет сохраняться в результате продолжающейся нагрузки на системы здравоохранения во всем мире. Потенциал здравоохранения в некоторых европейских странах уже пострадал от длительных мер жесткой экономии.

Неспособность ликвидировать пробелы в общественном здравоохранении усугубит существующую уязвимость и создаст риск дальнейшего гуманитарного и экономического ущерба.

¹ World robotics statistics. International federation of robotics (IFR). URL: https://ifr.org/downloads/press2018/WR_Presentation_Industry_and_Service_Robots_rev_5_12_18.pdf.

² The Global Risks Report 2021, 16th edition. World Economic Forum, 2021. С. 7, 20 // URL: <https://www.weforum.org/reports>.

Цифровая медицина и современные технологии

Большое значение для развития цифрового здравоохранения имеет принятая Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) Глобальная стратегия развития цифрового здравоохранения на 2020—2025 годы (далее — Глобальная стратегия)³, которая основывается на резолюциях, принятых Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций⁴ и Всемирной ассамблеей здравоохранения⁵.

Цель Глобальной стратегии заключается в укреплении систем здравоохранения путем применения цифровых технологий здравоохранения для потребителей, медицинских работников, поставщиков медицинских услуг и промышленности в целях расширения прав и возможностей пациентов и в интересах здравоохранения для всех социальных групп.

В контексте Глобальной стратегии под цифровым здоровьем (*Digital health*) понимается «область знаний и практики, связанная с разработкой и использованием цифровых технологий для улучшения здоровья».

Это определение охватывает электронное здравоохранение. *Digital health* расширяет концепцию электронного здравоохранения, включив в нее цифровых потребителей с более широким спектром интеллектуальных и подключенных устройств.

Она также охватывает другие виды использования цифровых технологий в здравоохранении, такие как интернет вещей, передовые вычисления, аналитика больших данных, искусственный интеллект, включая машинное обучение, и робототехника.

Стратегическая цель этого документа направлена на стимулирование и поддержку каждой страны в создании, адаптации и укреплении своей стратегии в области цифрового здравоохранения, чтобы она наилучшим образом соответствовала национальному видению, контексту, ситуации и тенденциям в области здравоохранения, имеющимся вариантам политики и действиям, ресурсам и основным ценностям каждого государства — члена ВОЗ.

В настоящее время национальные системы здравоохранения переживают цифровую революцию.

Цифровые продукты для здоровья (*Digital health*) стали неотъемлемой частью профилактики, диагностики, лечения и управления здоровьем и болезнями.

Потребители используют цифровые мобильные приложения (*Digital medicine*) для контроля своего здоровья, отслеживания физической формы и улучшения самочувствия.

Клиницисты (*Digital Therapeutics, DTx*) используют цифровые продукты для здоровья, чтобы получить представление о результатах лечения пациентов, проводить телемедицинские визиты и лечить проявления болезней, которые не могут быть устранены традиционными лекарствами⁶.

Главной целью цифровизации в медицине служит укрепление управления цифровым здравоохранением на национальном и международном уровнях путем реализации устойчивых и надежных структур управления и создания потенциала для цифрового здравоохранения на глобальном и национальном уровнях.

Управление цифровым здравоохранением направлено на укрепление потенциала и навыков, необходимых странам для продвижения, внедрения инноваций и расширения масштабов цифровых технологий здравоохранения.

Эта цель способствует обеспечению стандартов безопасности, безопасности, конфиденциальности, интероперабельности и этического использования данных в секторе здравоохранения и за его пределами, а также включает принципы этического использования медицинских данных в таких технологиях, как искусственный интеллект и аналитика больших данных.

Общая стратегия предполагает создание национальных взаимодействующих цифровых экосистем здравоохранения (*Digital health ecosystem*) таким образом, чтобы информационно-технологическая инфраструктура здравоохранения была совместима, учитывала различия в национальном законодательстве и

³ Global strategy on digital health 2020—2025. WHO, 2019 // URL: <https://www.who.int/docs/default-source/documents/>.

⁴ United Nations General Assembly resolutions 73/218 (2019) and 70/125 (2016).

⁵ Resolutions WHA58.28 (2005), WHA66.24 (2013), WHA69.24 (2016) and WHA71.7 (2018).

⁶ Digital medicine: implications for healthcare leaders / Jeff Goldsmith. Medical informatics. 2003 // URL: http://book.itep.ru/depository/it_med/goldsmith_digital_med_1199.pdf.

политике, могла обмениваться медицинскими данными с инфраструктурой других стран.

В последние годы расширяется применение технологий вакцинных платформ. Вакцинная платформа (*Vaccine platform*) представляет собой физическую структуру на принципах «подключи и играй» (*plug-and-play physical framework*), которая может быть использована при разработке вакцин для новых инфекционных заболеваний, таких как COVID-19.

Вакцинные платформы используют базовый носитель или иной «носитель», которые могут быть взаимозаменяемы при различных заболеваниях. После разработки и лицензирования одной вакцины разработка будущих вакцин с использованием той же платформы требует просто замены желаемого антигенного компонента или генетического соединения, которое обычно вызывает иммунный ответ.

Это позволяет ускорить и удешевить разработку, одобрение регулирующих органов и массовое производство⁷. Развитие технологий вакцинной платформы потенциально может помочь в разработке вакцин против целого ряда существующих и возникающих заболеваний.

Кроме того, разработка традиционных вакцин часто занимает годы или даже десятилетия, но универсальность и устойчивость платформенных технологий позволяет существенно упростить этот процесс, а в случае успеха может облегчить ответные меры на пандемию и помочь смягчить широко распространенные потери, подобные тем, которые наблюдались в пандемии COVID-19.

Цифровые технологии становятся все более портативными, простыми в использовании и доступными и включают новые инструменты визуализации и мобильные

устройства, которые позволяют создавать технологически продвинутые инструменты для лечения и ухода за пациентами⁸.

В этой связи следует отметить, что цифровое здравоохранение, которое создается в России, как отмечают специалисты⁹, базируется на трех принципах:

- 1) организация медицинской помощи за счет централизации всех данных в цифровом виде;
- 2) применение методов искусственного интеллекта для их обработки;
- 3) обеспечение коммуникации всех участников процесса, включая дистанционный мониторинг здоровья.

Современная телемедицина позволяет пациентам регулярно находиться на связи с медиками, что особенно важно для людей с ограниченными возможностями передвижения или пациентов, наблюдающихся у зарубежного врача.

Цифровые технологии оказали существенное влияние на качество и доступность медицинских услуг, появление новых методик лечения и профилактики заболеваний, повышение качества жизни здорового населения и хронических больных¹⁰.

Кроме того, цифровизация в медицине, как отмечают специалисты¹¹, позволила достичь нового уровня здравоохранения, включая:

- а) повышение качества диагностики за счет использования систем больших данных и машинного обучения;
- б) применение предсказательной аналитики и систем искусственного интеллекта для оценки влияния на организм новых препаратов;
- в) появление новых возможностей в трансплантологии при использовании умных

⁷ Cushing T., Jayanti A. Technology Factsheet: Vaccine Platforms. Harvard Kennedy School, 2021 // URL: <https://www.belfercenter.org/publication/technology-factsheet-vaccine-platforms>.

⁸ Tracie White. How digital medicine is improving patient care // URL: <https://stanmed.stanford.edu/2018fall/digital-medicine-improve-patient-care.html>.

⁹ Цифровая медицина — ключевое направление развития // Международный форум по цифровому здравоохранению. 22.04.2019. Москва. URL: https://www.sechenov.ru/pressroom/news/tsifrovaya-meditsina-klyuchevoe-napravlenie-razvitiya/?sphrase_id=1137566.

¹⁰ Морозова Ю. А. Цифровизация как глобальный, страновой и отраслевой процесс в повышении результативности и эффективности здравоохранения и медицины // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 4. С. 44—53; Муслимов М. И. Цифровое здравоохранение как фактор революционных преобразований в отрасли // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2018. № 3. С. 63—74; Карпов О. Э., Субботин С. А., Шишканов Д. В., Замятин М. Н. Цифровое здравоохранение. Необходимость и предпосылки // Врач и информационные технологии. 2017. № 3. С. 6—22.

¹¹ Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Маликов С. В., Чучаев А. И. Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения // Lex russica. 2020. № 1. С. 145—159.

имплантов и киберорганов (обучаемые руки, ноги) вследствие достижений в области роботизации и искусственного интеллекта;

- г) создание новых мер мониторинга здоровья пациентов с хроническими заболеваниями;
- д) разработку методик ранней диагностики с использованием данных от умных датчиков и носимых устройств (пульсометров, трекеров активности);
- е) повышение значения персональной медицины и телемедицины;
- ж) создание технологических платформ медицинских услуг для выбора специалиста и оказания медицинских услуг.

При формировании цифрового здравоохранения, как отмечено в документах ВОЗ¹², должен учитываться целый ряд факторов, а именно:

- укрепление здоровья и профилактика заболеваний;
- безопасность пациентов;
- этика;
- интероперабельность;
- защита интеллектуальной собственности;
- безопасность персональных и биометрических данных (конфиденциальность, целостность и доступность);
- конфиденциальность;
- экономическая эффективность;
- вовлечение пациентов в процесс лечения;
- доступность медицины.

Кроме того, цифровое здравоохранение должно быть ориентировано на людей, основано на доверии, достоверных данных, эффективности, действенности, устойчивости, инклюзивности, справедливости и адекватном правовом регулировании.

Должна учитываться и растущая глобальная проблема цифровых отходов в связи со здравоохранением и окружающей средой, которая также должна быть надлежащим образом решена.

В цифровую эпоху медицины ряд процессов, передовых практик и этических норм начали меняться по мере разработки новых цифровых технологий.

Изменения парадигмы медицины в ключе цифровизации влекут необходимость разработки новых методов определения верификации и валидации, сочетания способов и

технологий клинических исследований и человеческого опыта, выявления рисков кибербезопасности, а также регулирования прав на медицинские и персональные данные, права на использование «цифровых образов» личности пациента.

В отличие от средств *digital health* или *digital wellness*, как отмечают специалисты¹³, средства *digital medicine* характеризуются качеством и эффективностью. Цифровая медицина расширяет роль пациента в медицинской практике.

Благодаря цифровым инструментам, предоставляющим возможность децентрализовать уход за пределами больницы, клиники или лаборатории, пациенты будут играть гораздо более активную роль в цифровой медицине.

Средства цифровой медицины очень разнообразны. Здесь можно привести измерительные средства — цифровые биомаркеры (например, использование голосового биомаркера для отслеживания изменений тремора у пациента с болезнью Паркинсона), электронные оценки клинических исследований (например, электронное обследование результатов, сообщаемых пациентом) и инструменты, измеряющие безопасность движений (например, носимый датчик, отслеживающий падения).

«Умные импланты» позволяют поводить цифровую терапию и управление подключенными имплантируемыми устройствами (например, инсулиновую помпу).

Цифровая терапия обеспечивает пациентам основанные на фактических медицинских и биометрических данных терапевтические вмешательства, которые управляются высококачественными программными устройствами для предотвращения или лечения расстройств или заболеваний.

Они используются независимо или совместно с лекарствами, устройствами или другими методами лечения для оптимизации ухода за пациентами.

Комбинированные «умные» устройства одновременно производят измерения и осуществляют медицинские манипуляции. Например, непрерывные мониторы глюкозы (НМГ) для диабетиков автоматически обмениваются данными о пациентах с офисом врача с помощью сопутствующего программы-приложения.

¹² Global strategy on digital health 2020—2025. WHO, 2019 // URL: <https://www.who.int/docs/default-source/documents/>.

¹³ URL: <https://www.dimesociety.org/index.php/about-us-main/defining-digital-medicine>.

Уровень вовлеченности человека может варьироваться в цикле между измерением и вмешательством, например, когда врач диагностирует аномальное состояние сердца по показаниям ЭКГ со смартфона.

Со временем этот цикл может стать более замкнутым, с меньшей потребностью во вмешательстве человека, ограничиваться рутинными изменениями показателей пациента.

Совсем недавно разработка «искусственной поджелудочной железы» объединила НГМ с инсулиновой помпой и управляемым компьютером алгоритмом, который позволяет системе автоматически регулировать доставку инсулина для снижения высокого уровня глюкозы в крови (гипергликемия) и минимизации частоты возникновения низкого уровня глюкозы в крови (гипогликемия)¹⁴.

Важнейшее значение для цифровой медицины имеют данные, получаемые в результате медицинских исследований, манипуляций, мониторинга, показателей заболеваний и другие большие данные. Однако, чтобы быть полезными, данные должны быть проанализированы, интерпретированы и обработаны.

Именно программные алгоритмы, а не простые наборы данных наиболее востребованы цифровой медициной для обработки получаемых данных средствами искусственного интеллекта на основе машинного обучения, что будет иметь решающее значение для любого практикующего врача в наши дни.

Развитие законодательного регулирования в сфере цифрового здравоохранения

В Российской Федерации активно разрабатывается правовая база цифровой медицины¹⁵. Цифровая медицина и телемедицина выделяются в качестве важных стратегических направлений развития здравоохранения и медицинских технологий, наряду с биомеха-

никой, превентивной медициной, медицинской генетикой.

Среди приоритетных направлений развития фармацевтической промышленности указано внедрение цифровых технологий и лучших регуляторных практик на всех этапах разработки, производства и обращения лекарственных препаратов и биомаркеров¹⁶.

В настоящее время расширяется оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий. В соответствии со ст. 36.2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁷ при дистанционном взаимодействии медицинских работников с пациентами и (или) их законными представителями осуществляются дистанционное наблюдение (осмотр) или консультации (консилиумы врачей) в режиме реального времени¹⁸.

При оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий применяются также технологии идентификации и аутентификации пациентов в соответствии с федеральной государственной Единой системой идентификации и аутентификации.

Особенно актуально создание в Российской Федерации единого цифрового контура здравоохранения на основе Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ) в соответствии с национальным проектом «Здравоохранение» (предусмотрено Федеральным законом от 02.12.2019 № 380-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов»), а также путем взаимодействия медицинских информационных систем частных медицинских организаций с Единой государственной информационной системой в сфере здравоохранения¹⁹.

¹⁴ URL: <https://www.wsj.com/articles/citizen-hackers-concoct-upgrades-for-medical-devices-1411762843?tesla=y>.

¹⁵ Федеральный закон от 29.07.2017 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4791.

¹⁶ Распоряжение Правительства РФ от 06.06.2020 № 1512-р «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года» // СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3843.

¹⁷ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹⁸ Приказ Минздрава России от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

¹⁹ Методические рекомендации по организации информационного взаимодействия медицинских информационных систем медицинских организаций частной системы здравоохранения с единой государственной

В течение нескольких лет успешно применяются национальные стандарты (ГОСТ Р) РФ для детальной томографии на цифровых рентгеновских аппаратах, цифровых флюорографах и другие национальные стандарты²⁰.

Минздрав России расширяет использование робототехники в медицине. Так, к числу медицинских инструментов, аппаратов, приборов и прочих изделий, применяемых в медицинских целях отдельно, в сочетании или вместе с другими принадлежностями, необходимыми для применения указанных изделий, Росздравнадзор²¹ относит и специальное программное обеспечение, которое предназначено производителем для профилактики, диагностики, лечения заболеваний и медицинской реабилитации, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований.

В частности, программное обеспечение предназначено и используется:

- а) для управления работой оборудования и мониторинга за его функционированием;
- б) получения от оборудования диагностических данных, их накопления и расчета в автоматическом режиме;
- в) мониторинга функций организма человека и передачи полученных данных (в том числе посредством беспроводных технологий);
- г) расчета параметров подбора дозы (облучения, лекарственного средства, рентгеноконтрастного вещества и т.д.);
- д) обработки данных, полученных с диагностического медицинского оборудования, передачи их на системы планирования и терапии;
- е) обработки медицинских изображений, (включая изменение его качества, цветового разрешения и т.д.);
- ж) 3D-моделирования;
- з) связи диагностического и лечебного оборудования;
- и) обработки цифровых изображений (в том числе с получением данных от диагно-

стического оборудования в неизменном виде).

В соответствии со ст. 34 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 06.03.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусматривается оказание высокотехнологической медицинской помощи, включающей в себя применение новых сложных и уникальных методов лечения, а также ресурсоемких методов лечения с научно доказанной эффективностью, к которым наряду с клеточными технологиями, роботизированной техникой и информационными технологиями отнесены и методы генной инженерии.

Вместе с тем применение цифровых технологий в медицине ставит и новые проблемы правового характера.

Так, статья 51 Семейного кодекса РФ предусматривает применение метода искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона для его вынашивания суррогатной матерью и, таким образом, создает сложную юридическую конструкцию суррогатного материнства и родительских прав генетических родителей, которая имеет много правовых и этических аспектов²².

Комплексная цифровизация системы здравоохранения, направленная на повышение качества здравоохранения, связана прежде всего с созданием электронных баз медицинских данных, внедрением решений в области интернет-медицины, мобильной медицины, с обеспечением технической совместимости систем, использованием больших массивов данных и т.д.

Качественный уровень медицинских услуг может быть повышен благодаря степени персонализации услуг, эффективности взаимодействия с потребителями и качества обслуживания, предложения пациентам цифровых решений для омниканального доступа, таких как мобильные приложения, порталы, персонализированные комплекты цифровой информации.

информационной системой в сфере здравоохранения (Версия 1.0) (утв. Минздравом России 14.08.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ ГОСТ Р 56324-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Изделия медицинские электрические. Аппараты рентгеновские цифровые для дентальной панорамной томографии. Технические требования для государственных закупок (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2079-ст. 21 Письмо Росздравнадзора от 30.12.2015 № 01И-2358/15 «О регистрации программного обеспечения» // СПС «КонсультантПлюс».

²² Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2318-О и мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Н. Кокотова // СПС «КонсультантПлюс».

Для улучшения взаимодействия предполагается расширение использования таких цифровых инструментов, как анализ данных социальных сетей, телемедицина, виртуальная реальность²³.

Краткие выводы

В целом можно сформулировать вывод о том, что цифровое здравоохранение (Digital healthcare) как общее понятие охватывает сферу здравоохранения, предоставляемого или улучшаемого с помощью цифровых технологий, и включает от теледиагностики и телемедицины, онлайн-платформ и носимых медицинских устройств до мобильного программного обеспечения и приложений, машинного обучения и искусственного интеллекта, которые предназначены для оказания медицинской помощи и услуг в

системе здравоохранения и социального обеспечения.

Цифровые технологии здравоохранения (*digital health technologies*) готовы к использованию автономно или в сочетании с традиционными медицинскими продуктами и услугами, такими как медицинские приборы или диагностические тесты.

Вместе с тем активное формирование новой отрасли — цифрового здравоохранения будет определять в ближайшие годы уровень современной медицины, эффективность профилактики и защиты человека от заболеваний и повышение общего уровня жизни, доступности качественного здравоохранения в любой части мира.

Это закономерно требует разработки нового специального и систематизации уже имеющегося законодательства в сфере медицины и здравоохранения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Маликов С. В., Чучаев А. И. Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения // *Lex russica*. — 2020. — № 1. — С. 145—159.
2. Морозова Ю. А. Цифровизация как глобальный, страновой и отраслевой процесс в повышении результативности и эффективности здравоохранения и медицины // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. — 2019. — № 4. — С. 44—53.
3. Муслимов М. И. Цифровое здравоохранение как фактор революционных преобразований в отрасли // *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*. — 2018. — № 3. — С. 63—74.
4. Карпов О. Э., Субботин С. А., Шишканов Д. В., Замятин М. Н. Цифровое здравоохранение. Необходимость и предпосылки // *Врач и информационные технологии*. — 2017. — № 3. — С. 6—22.
5. Карцхия А. А. Правовое регулирование и возможности современных биотехнологий // *ИС. Промышленная собственность*. — 2020. — № 8. — С. 33—46.
6. Цифровая медицина — ключевое направление развития // *Международный форум по цифровому здравоохранению*. — 22 апрель 2019. Москва. — URL: https://www.sechenov.ru/pressroom/news/tsifrovaya-meditsina-klyuchevoe-napravlenie-razvitiya/?sphrase_id=1137566.
7. Cushing T., Jayanti A. Technology Factsheet: Vaccine Platforms. — Harvard Kennedy School, 2021 // URL: <https://www.belfercenter.org/publication/technology-factsheet-vaccine-platforms>.
8. Digital medicine: implications for healthcare leaders // Jeff Goldsmith. *Medical informatics*. — 2003. — URL: http://book.itpe.ru/depository/it_med/gd_digital_med_1199.pdf.
9. Tracie White. How digital medicine is improving patient care // URL: <https://stanmed.stanford.edu/2018fall/digital-medicine-improve-patient-care.html>.

²³ Карцхия А. А. Правовое регулирование и возможности современных биотехнологий // *ИС. Промышленная собственность*. 2020. № 8. С. 33—46.

М. Д. Шапсугова*

ЭКОНОМИКА ПО ТРЕБОВАНИЮ: ТРАНСФОРМАЦИЯ САМОЗАНЯТОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Цифровая трансформация затрагивает все сферы жизнедеятельности человека. Ее главными трендами выступают развитие цифровых платформ, устранение посредничества во всех сферах (peer-to-peer). В сфере труда и предпринимательства эти явления приводят к возникновению гибридных форм занятости — самозанятости, самозанятости с использованием цифровых платформ.

Происходит трансформация трудовых правоотношений в правоотношения «самозанятый — потребитель услуги или работы».

Таким образом, из отношений исключается фигура работодателя и на его место становится фигура потребителя. Цифровая трансформация сферы труда порождает новый тип экономики — экономику по требованию (gig-economy).

Целью данной статьи является выявление основных тенденций, оказывающих влияние на цифровую трансформацию труда в самозанятость.

Для реализации поставленной цели выполнено несколько исследовательских задач: определено понятие экономики по требованию, выявлены основные ее направления, оказывающие влияние на цифровую трансформацию на стыке наемного труда и предпринимательства, выделена в качестве предмета исследования сфера самозанятости как результат цифровой трансформации труда и индивидуального предпринимательства, изучен юридический и технический контур цифровой среды самозанятости.

Ключевые слова: gig-economy, экономика по требованию, цифровизация самозанятости, самозанятые, налог на профессиональный доход, искусственный интеллект, big data, p2p, machine learning, цифровизация труда, цифровые платформы, экономика совместного пользования, sharing economy.

Для цитирования: Шапсугова М. Д. Экономика по требованию: трансформация самозанятости в цифровой среде // Право и цифровая экономика. — 2021. — № 3 (13). — 047—053. — DOI: 10.17803/2618-8198.2021.13.3.047-053.

Введение

Цифровизация экономики и пандемия выступили катализаторами роста самозанятости и трансформируют модели занятости во всем мире, особенно в сфере оказания услуг посредством сети Интернет.

Отмечается, что особенный рост в период локдауна показала сфера продажи одежды и обуви — выручка самозанятых выросла в 38 раз, в сфере образования — в 11 раз¹.

Экономические отношения труда, представляющие собой выполнение трудовой функции за заработную плату, трансформируются в оказание работ и услуг по требованию (work-on-demand). Этот тренд в сфере труда

и занятости характеризуются термином «гиг-экономика» (gig-economy).

Отмечается появление новых форм труда (занятости), таких как, например, work-on-demand via apps (работа по запросу посредством приложений), — это работа, которая

© Шапсугова М. Д., 2021

* Шапсугова Мариетта Дамировна, старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия shapsugova@gmail.com

¹ Виноградова Е., Арутюнов А. На себе показывают: выручка самозанятых в Интернете выросла в 11 раз // URL: <https://iz.ru/1113938/ekaterina-vinogradova-artur-arutiunov/na-sebe-pokazyvaiut-vyruchka-samozaniatykh-v-internete-vyroslo-v-11-raz> (дата обращения: 29.01.2021)

предлагается посредством мобильных приложений².

Указанный тренд формирует переход правовых отношений в данной сфере из области регулирования трудового права в сферу самостоятельного регулирования, на стыке регулирования гражданского и предпринимательского права.

Технологии изменяют характер труда людей, давая толчок развитию «экономики свободного заработка», в рамках которой организации нанимают самостоятельно занятых работников по краткосрочным контрактам³.

Граница между работой по найму и samozанятостью подвергается интенсивной эрозии. Большинство samozанятых владеют фирмами с единственным работником, что побуждает к пересмотру сложившихся представлений о samozанятости и предпринимательстве⁴.

Обновление механизмов трудового посредничества в связи с появлением новых технологий бросает фундаментальный вызов существующим регулятивным структурам: если в гигиенике возникает принципиально новый способ организации труда, старомодное трудовое право больше не может применяться⁵.

На смену полному рабочему дню приходит так называемая «работа по требованию». В связи с этим в современных зарубежных научных трудах зарождаются теории человека как услуги⁶.

Гибкий рабочий график, работа по требованию, цифровая платформа как трудовой посредник — эти признаки все более приближают samozанятость к предпринимательству.

Мы видим целый ряд предложений, основанных на предпринимательстве и инновациях, — от полного отказа от трудового законодательства до размывания существующих законов через новые, менее защищенные категории⁷.

Действующее правовое регулирование samozанятости во всем мире находится в глубоком кризисе.

На данный момент противостоят несколько разнонаправленных трендов — от отказа от труда по требованию до принятия новых законов о так называемом «третьем статусе». Хотя эти предложения отличаются тем, насколько далеко необходимо отойти от существующих законов, все они разделяют фундаментальный скептицизм в отношении существующего регулирования.

С одной стороны, существующие законы могут служить сдерживающим новые бизнес-модели фактором, а с другой — неясен ответ на вопрос, почему трудовое законодательство должно накладывать оковы на свободу предпринимательства⁸.

Фундаментальный ответ на этот вопрос состоит в определении подхода к samozанятости как к предпринимательству или как к самостоятельному виду экономической деятельности, требующему специального регулирования. В то же время следует признать, что сама по себе samozанятость стирает границу между предпринимательством и непредпринимательством.

Выделяют следующие факторы роста сегмента samozанятости, обусловленные цифровизацией:

- повышение цифровой грамотности населения и доступности удаленной работы благодаря Интернету;
- автоматизация производств;
- рост популярности экономики по требованию и появление онлайн-бирж услуг;
- последствия кризиса и санкций (рост безработицы, падение доходов населения);
- изменение потребностей работодателя (потребность в быстром поиске высококвалифицированных специалистов, оптимизации затрат);

² Чесалина О. В. Работа на основе интернет-платформ (crowdwork и work-on-demand-via-apps) как вызов трудовому и социальному праву // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 52—55.

³ Изменение характера труда : доклад Всемирного банка о мировом развитии — 2019. Вашингтон // URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30435/211328RU.pdf?sequence=34&isAllowed=y> (дата обращения: 19.01.2021).

⁴ Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F. Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy // Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11. № 4. P. 23—32. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.23.32.

⁵ Prassl J. Humans as a service. Oxford university press. 2018. Kindle Version.

⁶ Prassl J. Humans as a service ; Sundararajan A. The Sharing Economy: The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism. MIT Press. 2016.

⁷ Prassl J. Humans as a service.

⁸ Prassl J. Humans as a service.

— изменение потребностей работника (баланс работы и частной жизни, контроль доходов, гибкие условия труда)⁹.

Роль цифровых платформ в развитии сегмента самозанятости

Зарубежными учеными отмечается, что во всех юрисдикциях с учетом их специфики складывается правовое регулирование, исключая трудовую статус работника и наделяющее цифровую платформу статусом простого посредника¹⁰.

Вместе с тем отдельные исследователи полагают, что необходимо выделить подход к формированию промежуточного (третьего) статуса работника по требованию, согласно которому «независимые работники» будут иметь право на определенную защиту, включая право на заключение коллективных договоров и отдельные элементы социального обеспечения, в то же время на них не будут распространяться правовой режим рабочего времени и гарантии заработной платы¹¹.

Цифровая платформа¹², агрегатор, воплощает технократические идеи, «обесчеловечивая» работника. С другой стороны, возникают новые механизмы социальной обратной связи (отзывы на сайте о работе, рейтинги и прочее, что сегодня называют термином «экономика доверия»).

При внимательном рассмотрении можно увидеть, что цифровая платформа — это новый механизм (инструмент) обычного посредничества. Высказываются мнения, что такая организация рынка труда, называемая «цифровым феодализмом», вернет его в эпоху Средневековья¹³.

Отдельные исследователи обращают внимание на то, что цифровые платформы ограничивают свободу участников такой платформы как независимых предпринимателей (например, запрет отказываться от менее оплачиваемого заказа в пользу более опла-

чиваемого, деактивация исполнителя в случае неоднократного отказа от неприбыльной сделки и т.д.)¹⁴.

В зависимости от условий пользовательских соглашений, заключаемых пользователями с цифровыми платформами, не всегда участник платформы может определять цену (цену может устанавливать платформа на основе алгоритма либо клиент, подавая заявку).

Конкуренция участников платформы может приводить к снижению стоимости услуг, что привлекательно для заказчика, но негативно отражается на стоимости рабочей силы.

Таким образом, цифровые платформы зачастую ограничивают и возможность определять цену и право самостоятельно выбирать контрагента, что нехарактерно для предпринимательских отношений, однако вполне соответствует взаимоотношениям предпринимателя с потребителями в рамках законодательства о защите прав потребителей.

В то же время деятельность самозанятых под действие Закона о защите прав потребителей не подпадает. Как правило, споры между исполнителем и заказчиком разрешаются по правилам, установленным цифровой платформой, гражданским законодательством.

Вопрос о распространении законодательства о защите прав потребителей на договорные отношения самозанятых и заказчиков требуют дополнительной проработки.

Одной из изучаемых проблем является сложность согласования условий выполнения работ, услуг, условий договора. Соглашаясь на одни условия заключая контракт в рамках цифровой платформы, в действительности пользователь может столкнуться с другими.

Таким образом, решение проблемы регулирования самозанятости в гигнонике лежит в поиске баланса между традиционным регулированием трудовых отношений в рамках трудового права и регулированием гражданско-правовых и предпринимательских отно-

⁹ Поколение Мобайл, или Что происходит с рынком труда. Исследование YouDo.com, РАЭК, РАНХиГС // URL: https://youdo.com/files/Youdo_Report-Online_Generation.pdf (дата обращения: 05.02.2021).

¹⁰ Prassl J. Humans as a service.

¹¹ Harris S. & Krueger A. A proposal for modernizing labor laws for twenty first century work: the «independent worker» // Hamilton Project Discussion Paper. 2015. № 10.

¹² О формировании платформенного права см.: Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2021. 592 с.

¹³ Kaminska I. The sharing economy will go medieval on you // Financial Times. 21.05.2015.

¹⁴ Rosenblat A. & Stark L. Algorithmic labor and information asymmetries: a case study of Uber's drivers // International Journal of Communication. 2016. № 10.

шений в рамках гражданского и предпринимательского права.

Влияние пандемии COVID-19 на самозанятость

Пандемия коронавирусной инфекции 2020 г. привела, без преувеличения, к тектоническим сдвигам в сфере занятости. Являвшаяся трендом последнего десятилетия цифровизация начала развиваться усиленными темпами.

С одной стороны, рынок труда начал сужаться в силу сокращений численности работников, с другой — был осуществлен фундаментальный переход на удаленную работу. Эти процессы наложились на получившие стремительный толчок роботизацию и внедрение искусственного интеллекта, обусловленные гигиеническими и санитарными требованиями бесконтактной работы. Высвобождение рабочих мест привело к росту самозанятости.

Кроме того, пандемия COVID-19 и сопутствующая ей интенсивная цифровизация сделали возможным выбор между удаленной работой и самозанятостью.

В докладе Всемирного экономического форума выделены следующие условия трансформации рынка труда¹⁵:

- ожидаемое дальнейшее нарастание и ускорение темпов внедрения технологий;
- автоматизация в тандеме с коронакризисом создает двойную угрозу работникам;
- при общем количественном превосходстве созданных рабочих мест над ликвидированными сокращение темпов прироста новых рабочих мест и нарастание темпов их ликвидации;
- нарастание пробелов в навыках, которые будут востребованы в ближайшие пять лет;
- наступление для большинства «белых воротничков» цифрового будущего;
- в отсутствие активных действий вероятное усугубление неравенства двойным воздействием технологий и пандемической рецессией;
- уменьшение окна возможностей для переподготовки и повышения квалификации работников в новом ограниченном рынке труда;
- несмотря на текущий экономический спад, подавляющее большинство работодателей

признают ценность инвестиций в человеческий капитал;

- компаниям необходимо инвестировать в более качественные показатели человеческого и социального капитала за счет принятия экологических, социальных и управленческих показателей (ESG) в сочетании с обновленными показателями учета человеческого капитала;
- государственный сектор должен оказывать более сильную поддержку переподготовке и повышению квалификации работников из групп риска или уволенных.

Технический и юридический контур цифровой среды самозанятости

В утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы¹⁶ под цифровой экономикой понимается хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

Цифровая экономика реализуется в собственной экосистеме как партнерстве организаций при взаимодействии принадлежащих им цифровых платформ.

Таким образом, следует отметить, что цифровизация самозанятости в России осуществляется посредством создания цифровой экосистемы. Сфера самозанятости является тем ярким примером, в котором все взаимодействие самозанятого с государством с самого момента регистрации выстраивается в цифровой среде.

Главным элементом этой среды являются цифровые платформы (Федеральной налоговой службы, уполномоченных банков, Единого портала государственных услуг).

Для постановки на учет в качестве самозанятого гражданин может подать заявление через личный кабинет налогоплательщика (ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 27.11.2018

¹⁵ World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2020 October 2020 // URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf (дата обращения: 25.01.2021).

¹⁶ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

№ 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”»¹⁷), воспользоваться специальным мобильным приложением «Мой налог» (ч. 4 ст. 5 Федерального закона № 422-ФЗ) либо подать заявление о постановке на учет с применением усиленной квалифицированной электронной подписи кредитной организации (ч. 5 ст. 5 Федерального закона № 422-ФЗ), а также через Единый портал государственных услуг.

Также в электронной форме на базе цифровой платформы осуществляется и снятие с учета в качестве самозанятого.

Мобильное приложение «Мой налог»¹⁸ позволяет зарегистрироваться в качестве самозанятого с мобильного телефона, формировать и отправлять отчетность, чеки, справки о доходах, отслеживать начисление налогов.

Идентификация пользователя цифровой платформы осуществляется по номеру мобильного телефона, с использованием паспортных данных, ИНН.

Цифровая платформа «Мой налог» осуществляет взаимодействие и обмен данными с платформами 17 банков. Это означает, что между ними выстроена среда доверия идентификации субъектов.

Кроме того, при взаимодействии в цифровой среде самозанятости ФНС России использует технологии искусственного интеллекта, нейросети и big data для обработки информации, получаемой от агрегаторов, таких как, например, Яндекс, YouDo, и Профи.ру. Для взаимодействия с ними также предложена цифровая платформа.

В будущем возможна постановка на учет в качестве самозанятого посредством регистрации в агрегаторе, которая будет признаваться в доверенной среде взаимодействия с ФНС России.

Использование указанных технологий также позволяет успешно решать существующую проблему установления соответствия формальным признакам самозанятого, в частности величины предельного дохода самозанятого и подтверждения отсутствия наемных работников.

В решении этой проблемы большую роль играют формирующийся технический и юри-

дический контур доверия, а также взаимодействие различных цифровых платформ.

Так, например, самозанятые получили возможность участвовать в закупках¹⁹. ФНС России может давать подтверждение статуса самозанятого путем обмена данными с цифровыми платформами, на которых эти закупки осуществляются.

О необходимости дальнейшей цифровизации взаимодействия с самозанятыми в целях автоматизации бизнес-процессов при осуществлении микрофинансирования говорится и в приказе Минэкономразвития РФ от 09.11.2020 № 745 «Об утверждении Концепции развития государственных микрофинансовых организаций».

Выводы

В настоящей статье самозанятость рассмотрена в аспекте понятийного аппарата, закрепленного в законодательстве о налоге на профессиональный доход.

Следует отметить, что формирование доверенной среды самозанятости в России осуществляется по нескольким направлениям:

- создание государственных специализированных платформ, таких как платформа «Мой налог», или используемых для оказания широкого спектра государственных услуг;
- осуществление взаимодействия с цифровыми платформами банков и агрегаторов.

С одной стороны, цифровизация самозанятости имеет целью эффективное администрирование налога на профессиональный доход, вывод из тени самозанятого населения.

С другой стороны, ее главной целью должно являться обеспечение занятости, способствующее раскрытию индивидуальных талантов человека.

Автоматизация вкупе с цифровизацией повлекут сокращение рабочих мест, поэтому необходимо создавать условия для развития самозанятости.

Неопределенность материально-правового статуса самозанятых и, на первый взгляд, сугубо теоретические проблемы их правосубъектности могут уже в самом ближайшем будущем породить вполне конкретные практические проблемы.

¹⁷ СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. 1). Ст. 7494.

¹⁸ Налог на профессиональный доход. ФНС России // URL: <https://npd.nalog.ru/app/> (дата обращения: 03.02.2021).

¹⁹ См.: Шапсугова М. Д. О закреплении статуса предпринимателя за самозанятыми гражданами по законодательству о закупках // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2020. № 4. С. 73—77.

Бурный рост доходов самозанятых в пандемию, о котором упоминалось выше, означает, что в ближайшее время проблема правового режима сделок самозанятых встанет ребром, как и вопрос качества услуг, ими оказываемых, влекущий необходимость распространения на их деятельность Закона «О защите прав потребителей», а также необходимость определения их процессуального статуса.

Ситуация усугубляется тем, что модель самозанятости в России находится в стадии формирования. Так, не вполне ясно, может ли самозанятый быть отнесен к субъектам предпринимательства.

Тем не менее внесенные в законодательство о закупках изменения и сопутствующие им дискуссии говорят о трансформации статуса самозанятого с некоего уникального явления, феномена в полноценный субъект экономической деятельности.

Не менее актуален вопрос о статусе цифровой платформы — агрегатора: можно ли рассматривать ее как новую форму работодателя?

Поскольку самозанятость в России изначально была легализована как специальный режим налогообложения в виде налога на профессиональный доход, неудивительно, что основная масса научных публикаций на данную тему сделана в сфере финансового права (и его подотрасли — налогового права).

Поскольку администрирование налога на профессиональный доход полностью оцифровано, тематике цифровизации самозанятости, цифровой трансформации налогового администрирования, возрастающей роли цифровых платформ в сфере финансовой деятель-

ности в этих работах также уделено весьма существенное внимание²⁰.

Использование такой платформы позволяет создать доверенную среду взаимодействия налогоплательщика-самозанятого, государственных органов, банков и других финансовых институтов, а также потребителей услуг (работ). Подтверждение личности и статуса самозанятого может осуществляться удаленно.

С другой стороны, использование технологий big data, искусственного интеллекта, нейросети и machine learning позволяет собирать и обрабатывать огромные объемы информации, недоступные обычному специалисту налоговой службы.

Таким образом, благодаря взаимодействию с цифровыми платформами банков, различными агрегаторами товаров, работ, услуг, базами данных об имуществе Росреестра и ГИБДД, указанные данные позволяют контролировать соответствие дохода самозанятого критериям, установленным законом, в части максимального размера дохода, а также отсутствия наемных работников.

Однако следует отметить российскую специфику самозанятости. Она возникла не как программа поддержки занятости со стороны государства, но как форма борьбы с теневыми доходами граждан²¹. Такая специфика объясняет и направленность регулирования: прежде всего возникает налоговое регулирование, и только позднее — вопросы правового статуса самозанятого в гражданском праве.

Несколько иная ситуация складывается за рубежом, где легализация самозанятости была обусловлена борьбой с безработицей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Виноградова Е., Арутюнов А. На себе показывают: выручка самозанятых в Интернете выросла в 11 раз // URL: <https://iz.ru/1113938/ekaterina-vinogradova-artur-arutiunov/na-sebe-pokazyvaiut-vyruchka-samozaniatykh-v-internete-vyroslo-v-11-raz> (дата обращения: 29.01.2021).
2. Закон о самозанятых принят с целью их легализации, и не надо использовать его для минимизации налоговых платежей! [Интервью с К. В. Новоселовым] // Административное право. — 2019. — № 3. — С. 37—44.
3. Изменение характера труда : доклад Всемирного банка о мировом развитии — 2019. Вашингтон // URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30435/211328RU.pdf?sequence=34&isAllowed=y> (дата обращения: 19.01.2021).

²⁰ Финансовое право в условиях развития цифровой экономики / под ред. И. А. Цинделиани. М. : Проспект. 2019. 320 с.

²¹ Закон о самозанятых принят с целью их легализации, и не надо использовать его для минимизации налоговых платежей! [Интервью с К. В. Новоселовым] // Административное право. 2019. № 3. С. 37—44.

4. Поколение Мобайл, или Что происходит с рынком труда. Исследование YouDo.com, РАЭК, РАНХиГС // URL: https://youdo.com/files/Youdo_Report-Online_Generation.pdf (дата обращения: 05.02.2021).
5. Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2021. — 592 с.
6. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики / под ред. И. А. Цинделиани. — М. : Проспект, 2019. — 320 с.
7. Чесалина О. В. Работа на основе интернет-платформ (crowdwork и work-on-demand-via-apps) как вызов трудовому и социальному праву // Трудовое право в России и за рубежом. — 2017. — № 1. — С. 52—55.
8. Шапсугова М. Д. О закреплении статуса предпринимателя за самозанятыми гражданами по законодательству о закупках // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2020. — № 4. — С. 73—77.
9. Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F. Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy // Foresight and STI Governance. — 2017. — Vol. 11. — № 4. — P. 23—32. — DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.23.32.
10. Harris S. & Krueger A. A proposal for modernizing labor laws for twenty first century work: the «independent worker» // Hamilton Project Discussion Paper. — 2015. — № 10.
11. Kaminska I. The sharing economy will go medieval on you // Financial Times. — 21.05.2015.
12. Prassl J. Humans as a service. — Oxford university press. — 2018. — Kindle Version.
13. Rosenblat A. & Stark L. Algorithmic labor and information asymmetries: a case study of Uber's drivers // International Journal of communication. — 2016. — № 10.
14. Sundararajan A. The Sharing Economy: The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism. — MIT Press, 2016.
15. World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2020. October 2020 // URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf (дата обращения: 25.01.2021).

ISSN 2618-8198

Свободная цена.

Подписка на журнал возможна с любого месяца. Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 39492.

Вниманию авторов!

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на Международный научно-практический журнал «Право и цифровая экономика» / International research and practice journal «Law and Digital Economy» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Учредитель — Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Адрес издателя: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Почтовый адрес редакции: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Перевод на английский язык *А. А. Позгорева*

Редактор *Л. А. Мункуева*

Компьютерная верстка *Д. А. Беляков*

Дата выхода в свет: 10.11.2021. Объем: 9 усл.печ.л., формат 60x90/8.

Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная.

Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).